

Том I

Лисса: на острие кинжала

Дмитрий Кумпан

Лисса: на острие кинжала

«Автор»

2026

Кумпан Д. С.

Лисса: на острие кинжала / Д. С. Кумпан — «Автор», 2026

Некоторые двери лучше не открывать. Ответы могут ранить. Тебя — или меня». Лисса не помнит своего прошлого. В её голове остались лишь обрывки снов: залитая солнцем яблочная поляна, запах тёплого хлеба и обещание вернуться, но в мире, где магия не даётся даром, память — это валюта. Чтобы обрести силу, маги платят своими воспоминаниями. Стёрли ли её память запретными рунами? Или она сама отдала прошлое в уплату за нечто ужасное? Теперь она — проводница. Идеальный разведчик и хладнокровный клинок в отряде Героя, идущего через проклятые земли к Чёрному замку. Отряд доверяет ей свои спины. Они не знают её замысел. Друзья или долг. Правда или маска. Своя память — или чужая тайна. Каждый шаг приближает их к замку, а Лиссу — к правде, которая может сломать её и всё это время из тени за ними наблюдают. Сила, о которой не знает никто. Пока.

© Кумпан Д. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: "Владыка"	5
Акт 1	5
Глава 2: "Новый отряд"	11
Глава 3: "Три капли"	18
Глава 4: "Праздник урожая"	26
Глава 5: "Город"	31
Глава 6: "Метка"	38
Глава 7: "Замок"	44
Акт 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дмитрий Кумпан

Лисса: на острие кинжала

Глава 1: "Владыка"

Акт 1

Отряд был в пути уже больше недели, три дня назад они вошли в тёмный лес.

Лисса двигалась впереди — бесшумно. Она не оборачивалась, но идеально держала каждого за спиной, не оборачиваясь. Для неё они не были близкими. Они были фигурами на её шахматной доске.

Вот Кассиан — лидер, его доспех едва слышно позвякивает. Чуть левее Хиллера — целительница, судорожно сжимает амулет, от её сумки пахнет сушёной мятой. Грам бережёт правую ногу — старая рана даёт о себе знать в третий день пути. Мирабель нервно перебирает пальцами. Дилиан осматривает кроны деревьев. Отец Альберт на ходу беззвучно шепчет молитву.

Лисса знала все их недостатки, это её работа. Она — их разведчик, их идеальный проводник.

— Далеко ещё? — негромко спросил Кассиан, поравнявшись с ней.

— Ещё час.

Она знала этот лес наизусть — каждую ловушку, каждую звериную тропу. Она сама подготовила этот безопасный маршрут специально для них.

Ветви на земле хрустнули — Хиллера ускорила и догнала её, тяжело дыша:

— Лисса, ты уверена, что мы не заблудились? Я вообще не чувствую сильной магии в той стороне. Лес словно... пустой.

— Уверена. Я здесь уже была, — коротко бросила Лисса.

Чистая правда. Она была здесь много раз.

Чёрный замок выступил из-за деревьев внезапно — огромный, зловещий монолит, подпирающий острыми шпилями низкое серое небо. Цитадель, которую должна штурмовать целая армия, а не шесть человек.

— Мы у цели, — Лисса остановилась на краю лесной чащи.

— Привал, — Кассиан поднял руку. — Отдых полчаса. Проверить снаряжение. Перед штурмом мы должны быть в идеальной форме.

Они сели у скалы. Мирабель разожгла огонёк на ладони, чтобы согреть воду без лишнего дыма. Хиллера сразу опустилась рядом с Грамом — старая рана на его правой ноге лопнула от долгой ходьбы и кровоточила.

— Сядь, — приказала целительница, прикладывая к рубцу лечебные травы и применила слабое лечение — это ей стоило недорого. Грам резко втянул воздух сквозь зубы:

— Жжётся!

— Терпи. Завтра бегать будешь.

Закончив перевязку, Хиллера подошла к Лиссе и протянула пучок зелёных листьев, остро пахнущих мятой:

— Возьми. От усталости. Хорошо проясняет разум в бою.

Лисса взяла листья и равнодушно убрала их во внутренний карман куртки:

— Спасибо.

Кассиан долго смотрел на тёмные башни замка, а потом повернулся к ней:

— Лисса, скажи честно. Ты боишься?

Она выдержала паузу, подбирая слова для воина. Ответ не должен быть слишком идеальным — люди верят в чужую слабость, так им проще доверять.

— Да, — она опустила глаза. — Владыка силён.

На самом деле внутри неё стояла абсолютная, звенящая пустота. Её холодная суть не знала страха — была только цель.

— Я тоже, — Кассиан ободряюще коснулся её плеча. — Главное, чтобы страх не решал за нас. За нами свет Ордена.

Лисса не ответила. Там, под этим замком, в подземном городе, кипела совсем другая жизнь, но сейчас эти мысли были неважны.

— Идём, — Лисса поднялась, проверяя кинжалы в ножнах. — Темнеет. Я нашла тот тайный проход, которым Владыка мог сбежать в случае осады. Трус. Мы успеем войти до смены караула.

Отряд молча поднялся. Грам зафиксировал ростовой щит, Дилиан наложил стрелу на тетиву, отец Альберт крепче сжал посох, а Мирабель зажгла боевые искры на пальцах. Они обошли скальный массив слева, пробираясь через нагромождение камней. Лисса скользила впереди, уверенно выбирая каждый уступ.

— Здесь.

Узкая тёмная расщелина, густо скрытая чёрным плющом. Если не знать, где искать, — пройдёшь в двух шагах и не заметишь.

— Невероятно, — прошептал Дилиан. — Хорошо, что ты с нами.

— Да. Хорошо, — бесстрастно отозвалась Лисса.

Они вошли под своды. Грам выставил щит, прикрывая голову колонны, Лисса шла рядом, указывая повороты. Мирабель удерживала на ладони крошечный огонёк, отец Альберт и Хиллера двигались в центре, Дилиан замыкал тыл. Узкая пещера вилась вверх и вниз, пока не вывела их в каменный коридор.

Впереди, у массивной дубовой двери, горели два факела и маячили две тени. Гоблины-стражники караулили пост: один лениво зевал, второй чесал затылок, позвякивая мешочком с игральными костями на поясе. Лисса подняла раскрытую ладонь — отряд замер.

— Тихо. Там двое, — прошептала она.

Лисса шагнула в тень. Кинжалы скользнули в ладони без единого звука. Первый гoblin даже не успел обернуться — она соткалась за его спиной словно из воздуха, жёстко перехватила подбородок и вогнала сталь точно под кадык. Стражник обмяк, даже не осознав своей смерти. Второй уловил движение и дёрнулся, но из темноты со щелчком вылетела стрела Дилиана, пробив ему грудь, а Лисса в один рывок подхватила падающее тело и вторым клинком добила гоблина под основание черепа, чтобы не загремел доспехом о плиты.

Всё заняло три секунды. Лисса вытерла кровь со стали о куртку гоблина:

— Теперь чисто.

Кассиан подошёл ближе, глядя на её абсолютно спокойное лицо:

— Ты двигаешься... пугающе хорошо, Лисса. Простой лесной разведчик не умеет так перерезать глотки.

— Лес учит. Смотря, какой учитель тебе достался.

Он не ответил. Они подошли к невысокой резной чёрной двери в конце галереи.

— Тронный зал, — сказала Лисса.

Отец Альберт за их спинами беззвучно зашептал молитву. Вокруг его пальцев на посохе затеплилось слабое свечение — и тут же погасло. Он истово верил в свои слова, но за ними ничего не стояло. Лисса скользнула по жрецу холодным взглядом: он был пустым, как высохший кувшин, как храм без бога — слабый деревенский церковник, не способный почувствовать даже чужую кровь.

Отряд встал в боевой порядок. Кассиан обернулся, окинув друзей долгим взглядом:

— Что бы ни случилось... спасибо, что вы рядом. На счёт три. Раз. Два. Три!

Грам с рёвом выбил створки плечом, и отряд ворвался внутрь. Двое орков-стражников у входа не успели даже замахнуть: Лисса на ходу вогнала кинжал первому под шлем, а Грам с размаху размозжил голову второму своим тяжёлым молотом.

Тронный зал оказался небольшим и странно пустым — только возвышение престола, редкие факелы на стенах и сам Владыка. Он сидел расслабленно, словно давно ждал гостей. Лисса бросила на него короткий взгляд.

«Он выглядит не так, как в прошлый раз? Или так же?»

Владыка медленно поднял голову. Его серые глаза без зрачков были полны первозданной тьмы, красно-чёрную кожу прорезали пульсирующие золотые вены, а за плечами клубился тяжёлый плащ из дыма и тлеющих углей. Он выставил вперёд длинные чёрные когти.

— А-а... — лениво усмехнулся правитель. — Наконец-то. Вы задержались.

Кассиан шагнул вперёд, его двуручный меч вспыхнул золотым светом:

— Владыка! Именем Высшего Совета, Ордена...

— Да-да-да, — скучающе перебил тот, поднимаясь с трона. — Пафосная чушь. Надоело. Каждый раз одно и то же.

Он небрежно щёлкнул пальцами.

Свет факелов погас мгновенно, и мир рухнул в тяжёлую, непроглядную тьму. Отец Альберт испуганно вскрикнул — его слабая магия ослепла без зрительной опоры.

— Кассиан, действуем по плану! — Мирабель вскинула руку, раздувая огненный шар, но Владыка уже вырос прямо перед ней.

Он легко коснулся её запястья. Раздался сухой треск замерзающей плоти — рука девушки мгновенно покрылась толстой коркой льда, огонь погас, и через секунду Мирабель застыла ледяной статуей с немым криком на губах.

— Дилиан, не стой, стреляй! — крикнула Хиллера.

Лучник выстрелил на звук треснувшего льда. Стрела шла точно в горло Владыке, но тот лишь лениво повернул ладонь в воздухе. Наконечник заискрился, описал мёртвую петлю и со свистом полетел обратно. Глухой стук — и древко по самое оперение вошло в грудь самого Дилиана. Он рухнул на колени, захлёбываясь кровью:

— Отложенная магия возврата? — прохрипел лучник, заваливаясь набок. — Кто наложил руну? Когда?..

— Отец Альберт! — отчаянно позвала Хиллера.

Но жрец на коленях лишь иступлённо шептал молитву, глядя на едва теплившийся вокруг его дрожащих пальцев свет. Владыка тихо рассмеялся в темноте:

— Твой бог не слышит тебя, старик. Он никогда тебя не слышал.

Тьма сомкнулась на руках клирика с сухим хрустом ломающихся костей, который тут же потонул в коротком предсмертном хрипе из разодранного горла. Посох со звоном покатился по камням, тело грузно осело на пол.

В это время Грам взревел от ярости, выставил щит и рванулся на таран туда, где только что погиб священник, но на середине разбега его правая нога неожиданно подогнулась. Огромный воин с грохотом рухнул на одно колено и с ужасом посмотрел вниз: из его бедра, точно в месте старого воспалённого рубца, торчала рукоять стального кинжала Лиссы.

Грам поднял голову. Лисса уже стояла прямо перед ним. Её лицо в полумраке было бледной фарфоровой маской. Воин попытался вскинуть молот, но она оказалась быстрее — второй кинжал с хрустом рассёк ему горло. Горячая кровь ударила фонтаном, и Грам завалился на плиты, не отрывая от неё глаз полных удивления. Лисса смотрела в них спокойно, не мигая.

— Грам! Нет! — Хиллера с криком бросилась к нему, перебирая в памяти, самое сильное воспоминание, забыв об осторожности.

Лисса сделала один короткий шаг наперерез. Первый удар — под рёбра, второй — точно в сердце, третий, контрольный — в шею. Целительница мгновенно обмякла на её клинках; поясная сумка раскрылась при падении, рассыпая по камням сушёные травы, и воздух пропитался резким запахом дикой мяты, смешанной с горячей кровью. Её глаза остались широко открытыми — пустыми и обречёнными.

Кассиан остался совершенно один посреди бойни. Четыре трупа друзей и ледяная статуя Мирабель — весь его отряд был уничтожен за считанные секунды без единого шанса. Горло сжалось — Кассиан вдруг понял, что остался один. *«Хотя бы один удар... Хотя бы её!»* — отчаянно подумал он, перехватывая двуручный меч для последнего рывка в сторону предательницы, но успел сделать лишь шаг.

Грудная клетка воина неестественно вздулась изнутри, и с жутким хрустом пробитого панциря из неё вырвалась когтистая лапа Владыки, объятая багровым пламенем. Меч со звоном выпал из разжавшихся пальцев Кассиана и погас.

— Разочарование, — тихо выдохнул Владыка ему в затылок. — Его искра едва ощутима и едва пригодна. С каждым разом отряды всё слабее. Этот мир почти готов к моему возвращению.

Он рывком выдернул руку, и тело Кассиана тяжело рухнуло лицом вниз.

В зале стало тихо. Слышно было, как капает кровь со стали. Лисса стояла посреди этого ада. Шесть человек, которые три дня делили с ней хлеб и доверяли ей свои спины, были мертвы. Внутри её разума стоял привычный штиль: всё сделано правильно, угроза Чёрному замку ликвидирована.

Где-то на самой дальней периферии вдруг что-то болезненно дрогнуло — короткий, непонятный сбой. Из кармана её куртки, куда она недавно убрала травы Хиллеры, остро пахнуло сладкой дикой мятой. Взгляд Лиссы оставался холодным, но пальцы на рукояти кинжала против её воли мелко, неестественно задрожали. Лисса нахмурилась, списывая это на простую усталость.

Владыка медленно подошёл со спины, и его огромная горячая ладонь мягко легла на её плечо:

— Ты сделала всё правильно, моя девочка. Фальшивый тронный зал снова сработал идеально. Если бы они прорвались к нам, они бы уничтожили наш дом. Убили бы меня, тебя, но ты выжила — и это единственное, что имеет значение.

Лисса покорно склонила голову.

— Ты — Лисса. Моя верная правая рука, мой идеальный кинжал на острие этой войны.

— Да, Владыка, — бесстрастно ответила она.

— Теперь иди к себе, отдохни и сбрось эту человеческую личину. Скоро начнётся новая работа. Пришли тревожные вести: из столицы уже выдвигается новый отряд, и на этот раз среди них идёт тот, кого называют истинным Героем. Подготовься. Мы не имеем права на ошибку. Не сейчас.

Лисса молча развернулась и вышла через внутреннюю дверь, ведущую в жилые ярусы цитадели.

Зайдя в личные покои, Лисса огляделась в полумрак. Уютная каменная комната была увита живым чёрным плющом, а широкое окно во всю стену выходило в исполинский подземный грот позади замка. Далеко внизу переливался тысячами огней Ночной Город — улочки, кузни, маленькие дома. Её дом.

Только здесь за последнюю неделю она по-настоящему выдохнула, села в глубокое кресло у окна, сбросила человеческую личину, обнажилась по пояс. Спина прямая, плечи расслаблены, тугие мышцы под кожей перекачивались мягко, как у крупного хищника перед прыжком. Её истинный облик пугал людей, но здесь он был естественным: тёмная кожа с янтарным отливом, как мёд в тени, острые небольшие клыки за губами и прямые, густые волосы до самой

поясницы — чёрные как смоль, но имеющие идеально ровные горизонтальными белоснежные полосы, словно кольца на стволе древнего дерева или метки на чешуе змеи.

За её креслом стояла Нирия — молодая демоница с изящными витыми рожками, тонкой талией и нежно-фиолетовыми волосами — и бережно проводила костяным гребнем по её чёрно-белым прядям.

— Госпожа, вы сегодня совсем тихая, — робко заметила служанка.

— Устала.

— Принести вам чаю?

— Да, Нирия.

Нирия подала горячий травяной отвар в тонкой фарфоровой чашке с золотыми прожилками. Лисса посмотрела в тёмную поверхность воды, как в зеркало: оттуда на неё глядели её собственные нечеловеческие, горящие изумрудным светом глаза.

— Нирия, — вдруг негромко спросила она. — Кто я?

Костяной гребень в руках служанки ощутимо дрогнул:

— Госпожа?..

— До Владыки. Кем я была раньше?

В комнате повисла напряжённая тишина.

— Вы... что-то вспомнили?

— Нет. Но мне всё чаще кажется, что я... нет не помню.

Нирия торопливо продолжила расчёсывать её пряди, но Лисса кожей чувствовала, как мелко дрожат пальцы девушки.

— Вы наша госпожа — защитница города.

— Это не то, о чём я спросила.

Нирия замерла, прикусив губу:

— Раньше вы были...

Договорить она не успела — тяжёлая дверь покоев бесшумно отворилась, и на пороге вырос Владыка.

— Не помешал?

Нирия испуганно вздрогнула, низко поклонилась и пулей выскочила за дверь.

Правитель замка неспешно прошёл через комнату и опустился в кресло напротив Лиссы. В его бездонных серых глазах без зрачков на одно короткое мгновение мелькнули странные, до боли живые голубые сполохи, а на губах тронулась почти человеческая, тёплая улыбка. Высокий, статный, до жути знакомый, но другой.

— Ты сегодня встревожена, Лисса, — мягко произнёс он.

— Нет. Вам показалось.

— Это хорошо. Потому что некоторые двери лучше не открывать.

— Почему?

— Ответы могут ранить.

— Меня?

— Тебя или меня.

Лисса пристально смотрела в его лицо. В его голосе пряталось что-то неуловимое — глухая, застарелая боль.

— Владыка... Кто я?

Он долго молчал, глядя, как клубится тьма за окном, а затем улыбнулся — тепло и бесконечно грустно:

— Ты — Лисса.

— Это просто имя, а не ответ.

— Это всё, что тебе нужно знать сейчас. Остальное не имеет значения.

Он поднялся и бережно положил широкую ладонь на её макушку. Мягкий, обволакивающий жар хлынул сквозь виски, веки мгновенно налились свинцовой тяжестью, и она провалилась в глубокий сон прямо в кресле.

— Отдохни, — донеслось сквозь темноту. — Завтра тебя ждёт новый отряд и новые испытания. Прости.

Выйдя из покоев, Владыка притворил дверь. В полутёмном коридоре, вжавшись спиной в каменную стену, всё ещё стояла бледная Нирия. Правитель прошёл мимо, даже не повернув к ней головы, и сказал:

— Она снова задаёт вопросы. Докладывай мне о каждом её шаге и каждом изменении.

— Да, господин, — служанка покорно склонилась в поклоне. Она до смерти боялась хозяина замка, но внутри её сердца что-то дрогнуло — предавать свою госпожу она не хотела.

Глава 2: "Новый отряд"

Владыка вызвал её на рассвете.

Лисса вошла в зал и остановилась в десяти шагах от трона, как всегда. Правитель сидел не на самом троне, а на массивном каменном подлокотнике — небрежно, почти как мальчишка, которому смертельно наскучило ожидание.

— А, — произнёс он. — Ты пришла. Я ждал тебя.

Она молча кивнула.

— Новый отряд собрался по наши души. На этот раз у меня есть шанс осуществить свой план, — он улыбнулся. — Они движутся к столице. Шесть человек, может, семь — слухи не точны.

— Кто они?

— Не знаю, — Владыка криво улыбнулся. — Поэтому ты мне и нужна.

Она терпеливо ждала продолжения.

— В этом отряде идёт кто-то по-настоящему опасный, — серые глаза без зрачков буравили её насквозь. — Тот, в ком горит настоящая Искра. Тот, кто может стать моей проблемой - или моим спасением. Новый Герой. Присмотрись к ним, найди их недостатки и главную слабость. Приведи его ко мне, а потом... — он обнажил в оскале клыки, — а потом я сам решу, как с ним поступить.

— Да, Владыка.

— И ещё, — он легко спрыгнул с подлокотника, подошёл к ней и протянул плоский осколок чёрного камня. — Возьми этот обсидиан с рунами общения. Он поможет связаться со мной или Лирарой, но используй его только в самый отчаянный момент — плата по закону рун будет высока. Да, не заходи в саму столицу. Сильные столичные священнослужители сразу почувствуют таких, как мы с тобой. Моя маскировка не вечна.

— Я помню.

— Хорошо, — его горячая ладонь легла ей на лоб.

Волна густого жара прокатилась по телу сверху донизу, Лисса начала преображаться. Тёмная, с янтарно-медным отливом кожа стремительно побледнела, став обычной человеческой. Длинные чёрно-белые волосы укоротились, скрутившись в русые кудри чуть ниже плеч, а потустороннее, хищное сияние изумрудных глаз угасло до спокойного травянисто-зелёного оттенка. Человеческая форма — знакомая до мелочей, но чужая.

— Иди. Они выходят из столицы через два дня. Встреть их на лесном тракте, втирайся в доверие и не води коротким путём — мне нужно время.

— Да, Владыка.

Она развернулась и шагнула к выходу.

— Лисса.

— Да, господин? — она замерла у дверей.

— Ты... в порядке?

Она не знала, что ответить на этот странный вопрос:

— Я не подведу вас, Владыка.

Она вышла, а правитель ещё долго и задумчиво смотрел на закрывшуюся за ней створку двери.

На верхнем дворе замка её уже ждала Лирара. Высший суккуб — высокая, статная, слишком красивая даже для порождений Тьмы. Кожа гладкая, как шёлк, глаза цвета тёмного вина, а улыбка острая, словно нож, метящий в самую душу. За спиной покоились огромные кожистые крылья.

— Госпожа, — приторно промурлыкала она. — Всё не можете лететь сами? С крыльями было бы куда быстрее.

— Ты прекрасно знаешь, Лирара, что от выброса силы маскировка слетит.

— Я не хотела вас задеть, — суккуб капризно надула губы. — Просто к слову пришлось...

— Летим к столице. Я не настроена на пустую болтовню.

Лирара наигранно вздохнула и с шумом расправила перепончатые крылья:

— Держитесь крепче, госпожа. Ветер над грядой сегодня злой.

Суккуб перехватила её за талию, мощно оттолкнулась от каменного парапета, и они взмыли в серое небо.

Ледяной ветер и рваные облака били в лицо. Лисса не боялась высоты, но твёрдая земля всегда тянула её к себе сильнее пустого неба. Впрочем, выбирать не приходилось — по воздуху они выигрывали недели пешего пути.

— Госпожа! — перекрикивая свист ветра, позвала Лирара. — Мы снова вышли на охоту?

— Пока нет. Ещё рано устраивать охоту.

— Значит, ищем того самого Героя? — суккуб звонко рассмеялась. — Прямо как в детских сказках? Сияющий рыцарь с мечом и глупой улыбкой?

— Что-то вроде того.

— Может, просто перерезать ему глотку на первом же привале?

— Владыка сам решит его судьбу. Неси меня молча.

Лирара замолчала, но ненадолго:

— Госпожа... А вы часом не сомневаетесь в приказах хозяина?

Это прозвучало уже не как вопрос, а как прямое обвинение.

— Ты меня в чём-то подозреваешь, Лирара?

— Ну что вы, госпожа, — посланница снова рассмеялась. — Просто я суккуб. Я чую чужие сомнения как запах и от вас сегодня...

— Ты забываешься. Знай своё место.

— Простите, не моё дело, — Лирара кротко вздохнула. — Но будьте осторожны. Настоящие Герои — не простые смертные. Они и умирают не так, как все остальные.

— И как же?

— Красиво, — суккуб ядовито улыбнулась.

— Хватит разговоров. Мне нужно подумать, — отрезала Лисса.

Остаток пути летели в тишине. Лирара вечно несла всякую чушь, но в этот раз в её словах сквозило что-то такое, в чём Лисса боялась признаться даже самой себе.

Они летели весь день и опустились на глухой лесной поляне глубокой ночью, когда луна уже стояла высоко в зените — в стороне от столбового тракта и сторожевых башен столицы. Лирара сложила крылья, и они мгновенно приняли вид длинного дорожного плаща с высоким воротом, скреплённым двумя небольшими когтями.

— Здесь, — сказала она. — До городских ворот два часа пешего хода.

— Отлично. Отряд выступит на рассвете.

— Я останусь в лесах поблизости, — Лирара присела на поваленный ствол. — Если понадобится — подайте знак.

— Не сомневайся.

— И да, госпожа... — суккуб лстиво, игриво улыбнулась. — Вы очень хороши собой даже в этой человеческой шкурке. Людишки ведь глупые — они верят смазливим глазам, а не силе. Этим грех не воспользоваться.

Лисса ничего не ответила, развернулась и бесшумно шагнула в чащу по направлению к тракту.

Она ждала их с первыми лучами солнца, устроившись на толстой ветви старого дуба у самой дороги. Слухи в приграничье разлетались быстро, так что имена будущих спутников

были ей уже известны. За время ожидания, слушая болтовню проходящих мимо, Лисса узнала имена состоящих в отряде.

Они вышли из ворот и двинулись на север по тракту. У обочины стоял старик и подходил к каждому прохожему, снимал вылинявшую шляпу, кланялся и спрашивал одно и то же.

— Простите. Вы меня не помните?

Мужик с телегой тронул лошадь, не ответив. Баба с коромыслом прошла мимо, глядя в сторону.

— Гляди, — Ника толкнула Селену локтем и повысив голос — Он знакомых ищет. С такой-то шляпой не найдёт. Эй, дед! Я видела тебя! Ты зимой у нас двор мёл!

Старик обернулся сразу — натянулся как струна, — лицо у него вдруг сделалось молодым. Морщины остались, а из-под них выглянуло что-то живое.

— Двор? Я... не помню, но если вы говорите... — он быстро пошёл к ним, держа шляпу в руках. — Где? Я могу прийти. Я хорошо мёл? Кажется, я точно хорошо мету.

Ладонь Селены легла на руку Ники — холодная, крепкая, как тиски у кузнеца.

— Молчи, — сказала она. — Ни слова больше.

А старик уже стоял перед ними. Ждал.

Селена посмотрела на него — и в глазах её было что-то, чего Ника ни разу не видела за время дороги.

— Простите, почтенный, — сказала она тихо. — Девочка ошиблась. Она ошиблась. Она вас не знает. Простите нас.

Она достала из сумки монеты — не одну, а горсть — и вложила в его ладонь. Не сверху вниз, как подают милостыню: накрыла его пальцы своими и закрыла монеты внутри, как закрывают то, что он выронил.

— Это не плата. Это — за обиду, которую принесли.

Старик смотрел на монеты. Потом на неё. В мутных глазах что-то шевельнулось — как рыба подо льдом.

— Обознались, — повторил он обречённо. — Это бывает. Я сам часто обозначаюсь.

Он поклонился. Селене, потом Нике — на всякий случай, — надел шляпу и пошёл назад, к обочине, к своей вахте.

Ника смотрела ему вслед. Потом на Селену.

— Прости, я не хотела. Кто он?

— Видишь его шляпу? Как он кланяется? Слова помнит, поклоны помнит, — Селена не оборачивалась. — А имени и прошлого своего — нет. Он отдал всю память. Скорее всего ветеран войны.

— Он отдал?..

— Не сейчас, — Селена подняла ладонь. — Я не в настроении.

Ника прикрыла рот. Хвост у неё опустился — сам, без команды.

— Простите. Вы меня не помните?

Лисса воспользовалась их заминкой и хорошенько рассмотрела отряд. Их было пятеро — хорошо вооружённый, сбитый отряд. Лисса смотрела сверху вниз, цепко фиксируя каждую деталь.

Впереди шагала мужчина — капитан Эйтан. Высокий, светловолосый, с ясными голубыми глазами, мечом на поясе и боевым копьём за плечами. Красивый — пожалуй, слишком красивый для воина. Он шёл легко и открыто улыбался спутникам.

«Что за неуместные мысли?» — Лисса жёстко тряхнула головой, сбрасывая оцепенение.

Рядом с капитаном тяжело ступал коренастый рыжебородый гном с огромным ростовым щитом за спиной — Гаррет. Судя по стёртым клеймам на броне и угрюмому виду — изгой. Этот не улыбался вовсе, подозрительно буравя взглядом каждый придорожный куст и каждое дерево.

На походной телеге сидела темноволосая девушка с луком на коленях — Мира. Она методично точила стрелы и осматривала опушку с зоркостью ястреба. Полукровка: под низко надвинутым капюшоном она стеснительно прятала чуть заострённые ушки и разные глаза — один обычный зелёный, а второй жёлтый, с вертикальным кошачьим зрачком.

«Телега — это хорошо, — хладнокровно отметила Лисса. — Обоз замедлит их шаг и даст мне больше времени».

Вторая девушка на телеге — светловолосая, голубоглазая магичка Селена — не смотрела по сторонам вообще, целиком погрузившись в чтение толстого кожаного фолианта. От её фигуры веяло спокойной, собранностью.

Вокруг колёс крутилась рыжая зверолодка Ника с пушистыми кошачьими ушами и длинным хвостом. Оружия на ней не было вовсе — она беззаботно шагала по пыли и уплетала вяленую рыбу, но вдруг кошка резко подняла голову, уставилась прямо в густую крону дуба, где затаилась Лисса, и их взгляды встретились.

Шпионка замерла, перестав дышать.

Зверолодка смотрела точно на неё своими круглыми золотыми глазами три долгие секунды, затем широко, во все клыки разулыбалась и как ни в чём не бывало продолжила жевать рыбу. *«Она что, видит меня сквозь листву?!»*

И тут взгляд Лиссы зацепился за шестую фигуру, которая кралась в тридцати шагах позади обоза. Худой, нескладный мальчишка с россыпью веснушек и волосами цвета прелой соломы. Он шёл в полном молчании, и никто из отряда даже не оборачивался в его сторону — словно для них его не существовало вовсе. Пустое место. Никто.

Повторив про себя имена целей, Лисса бесшумно соскользнула по коре вниз и вышла из кустов прямо на середину дороги — медленно, откинув капюшон и держа пустые ладони на виду.

Гаррет мгновенно вскинул щит, тетива Миры натянулась со звонким скрипом, а ладонь Эйтана легла на эфес меча.

— Кто ты и чего хочешь? — громко спросил капитан.

— Просто путница, — ровно ответила она. — Я знаю здешние тропы на север и могу облегчить вам дорогу.

— Путница? — Эйтан прищурился. — Совсем одна в диком лесу?

— Я не люблю шумные города, — сказала Лисса. — Предпочитаю лес.

Это была чистая правда — города людей с их храмами и инквизиторами несли для неё лишь смертельную угрозу.

— Как тебя зовут?

— Лисса.

— А я Эйтан, капитан этого отряда, — он взгляделся в её спокойное лицо и убрал руку с рукояти меча. — Нам не нужен проводник. Дороги на севере непростые, но люди у меня опытные.

— Верю, но я выросла в этих лесах и проведу вашу телегу в обход болот и оврагов вдвое быстрее.

— Ты знаешь, кто мы такие? — удивился он. — И откуда тогда такая забота?

Она выдержала паузу. Ложь была слишком сложной, а хорошая полуправда — всегда простой.

— Вы отряд Героя, который идёт на Чёрный замок. Об этом гудит каждое предместье, только глухой не слышал, — холодно произнесла Лисса. — А у меня свои причины желать Владыке смерти.

Эйтан обернулся к своим спутникам и открыто улыбнулся — он искренне верил, что случайных встреч на таком пути не бывает:

— Хорошо. Присоединяйся к нам, Лисса, но если будешь обузой нашему отряду, мы терпеть тебя не станем.

Гаррет и Мира обменялись тяжёлыми, недоверчивыми взглядами, но перечить командиру не стали. Лисса спокойно приняла их подозрительность — первая часть задачи была выполнена.

Они шли без остановки до самых сумерек. Лисса держалась в голове колонны рядом с Эйтаном, Гаррет топал чуть позади, Селена и Мира ехали на телеге, а рыжая кошка то убегала в кусты, то выныривала обратно. Веснушчатый мальчишка неизменно плёлся далеко в хвосте, никем не замечаемый.

— Откуда ты родом, Лисса? — негромко спросил Эйтан, когда лес вокруг начал темнеть.

— С севера.

— Просто с севера?

— Да. Я долго не задерживаюсь на одном месте. То тут, то там.

— И совсем одна?

— Теперь всегда одна.

Капитан понимающе кивнул, не став беречь рану расспросами:

— Сначала мы зайдём в Гавистон — большой торговый город у переправы. Пополним припасы, передадим письмо, а оттуда уже свернём к проклятым горам. Ты пойдёшь с нами до самого конца или только выведешь к предгорьям?

— Если не прогоните — до конца. Обузой в бою я не стану.

— Почему это так важно для тебя?

Лисса подняла взгляд и посмотрела прямо в его честные, добрые голубые глаза.

«Добрые? Что вообще значит "добрые" и почему меня это вдруг волнует?»

— Потому что Владыка задолжал мне одну жизнь, — ледяным тоном отчеканила она заученную легенду. — Я хочу забрать этот долг сполна. Жизнь за жизнь.

Эйтан помрачнел от тяжести её слов и тихо ответил:

— Прости. Я не хотел давить, но я должен знать кто идёт с нами и будет спать в нашем лагере.

Она лишь коротко кивнула.

Когда спустилась ночь и на поляне развели костёр, из темноты бесшумно вынырнула Ника. Зверолюдка подошла к Лиссе, шлёпнула на плоский камень перед ней сырую, скользкую речную рыбину и уставилась в упор:

— Ешь.

— Спасибо, но она совсем сырая, — Лисса слегка нахмурилась.

— Ты просто ничего не смыслишь в настоящей еде!

— Может, всё-таки поджарить её на огне?

— Не хочешь — не ешь, — фыркнула кошка.

Лисса не любила рыбу, но чтобы не выделяться, взяла тушку и принялась насаживать её на очищенный прут. Ника тут же бесцеремонно плюхнулась рядом — слишком близко — и шумно втянула носом воздух у самого её воротника:

— А ты пахнешь странно.

— Ты уже говорила это, — машинально отозвалась Лисса.

— Не-а, — Ника забавно наклонила голову набок, её рыжие уши дёрнулись. — Не говорила.

Лисса внутренне похолодела, её пальцы замерли на деревянном пруте. Опасный прокол. Память дала осечку: она перепутала эту рыжую зверолюдку с целительницей Хиллерой из отряда Кассиана, который завела под нож несколько дней назад. Та тоже говорила про странный запах.

— Прости, — ровно выдохнула шпионка, возвращая на лицо невозмутимую маску. — Устала с дороги, обозналась.

Ника пристально взгляделась в её зелёные глаза, а затем глупо и тепло улыбнулась, обнажив маленькие клыки:

— Странная ты, но мне нравишься!

Понимая, что нужно как можно скорее прощупать остальных членов отряда, Лисса поднялась и пересела на бревно рядом с Селеной. Магичка даже у костра не отрывалась от пожелтевших страниц.

— Что читаешь?

— Хроники Войны Теней, — сухо бросила Селена, не поднимая головы.

— Изучаешь древние руны? — Лисса скосила взгляд на знакомые очертания знаков.

Магичка медленно повернула голову. Её холодные голубые глаза встретились со взглядом Лиссы:

— А ты знаешь руны?

— Нет, — спокойно соврала Лисса. — Просто в детстве мне показывали старые книги и пересказывали эти легенды.

Селена секунду обдумывала её ответ, едва заметно кивнула и вернулась к чтению, но Лисса поставила себе жёсткую засечку: с этой книжницей нужно держать ухо востро.

С телеги спрыгнула Мира, подошла к огню и села напротив, не снимая глубокого капюшона.

— Слишком уж мягко ты ступаешь для простого лесовика, — прищурилась полукровка. — Где такому научилась?

— Северный лес быстро учит выживать, — привычно отбила выпад Лисса.

Лучница явно не поверила, но развивать допрос при всех не стала — молча расстелила одеяло у камней, легла в обнимку с луком и прикрыла веки. Гаррет на другой стороне кострища вообще не проронил ни слова за весь вечер, угрюмо буравя новенькую тяжёлым взглядом из-под кустистых рыжих бровей.

А где-то за кругом света, на самой границе ночной темноты, снова затаился тот тихий веснушчатый мальчишка. От него едва уловимо тянуло тёплым молоком и чем-то беззащитным, детским, но для всего отряда он оставался незаметен.

— О чём задумалась, Лисса? — Эйтан присел на край бревна рядом с ней.

— Ни о чём.

— Ты всегда так отрезаешь. Кажется, ты просто отвыкла от больших компаний.

— Одной проще выжить, — сухо ответила она, плотнее кутаясь в плащ.

Капитан открыто и очень тепло улыбнулся ей в отблесках пламени:

— Мы тебе не враги, Лисса. Здесь ты можешь нам доверять.

Она посмотрела на его светлые кудри и этот прямой, ясный взгляд — и глубоко внутри её разума снова прошёл короткий, болезненный спазм.

«Он умрёт, — тут же остудил её ледяной внутренний голос. — Он станет ещё одним остывающим трупом на плитах фальшивого зала, как только я доведу их до конца».

— Я знаю, капитан, — бесстрастно произнесла она и прикрыла глаза, показывая, что разговор окончен.

Глубокой ночью, когда дыхание спящего лагеря стало ровным и глубоким, Лисса тихо выскользнула за линию лагеря.

Лирара ждала её в густой тени старого тиса. Кожистые крылья были плотно запахнуты на груди, на губах играла дежурная полуулыбка, но глаза суккуба смотрели цепко и серьёзно.

— Госпожа, — склонила голову посланница. — Как всё прошло?

— Я вошла в состав отряда. Легенда сработала.

— Превосходно, хозяин будет доволен, — Лирара подалась на полшага ближе, и в её тёмных зрачках мелькнул голодный блеск. — А что же их хваленый Герой? Тот самый, с Искрой?

— Ты слишком много на себя берёшь, Лирара, — осадил её Лисса. — Это забота Владыки, а не твоя.

— Простите моё любопытство, госпожа, — суккуб покорно опустила ресницы, пряча глухое раздражение. — Я лишь собираю подробности для доклада. Говорят ведь, что носители Искры светятся изнутри, точно свечи во мраке. Разве вам этот чистый свет не режет глаза?

— Мне нельзя долго отсутствовать, — оборвала она её. — Передай Владыке состав: в отряде пятеро бойцов. Капитан Эйтан — копейщик, но носит и меч. Он лидер. Гном-изгой Гаррет с ростовым щитом. Полукровка Мира — лучница. Магичка Селена и зверолодка Ника. И ещё за ними от самой столицы крадётесь шестой — какой-то тихий мальчишка, но он не воин и словно пустое место, отряд его даже не замечает.

Лирара заинтересованно прищурилась, уловив последнюю фразу:

— Мальчишка? Никто? Любопытно...

— Я возвращаюсь в лагерь. Доложи всё господину слово в слово.

— Будьте осторожны, госпожа, — промурлыкала суккуб ей в спину, с тихим хлопком расправляя крылья и растворяясь в ночном небе.

Лисса постояла минуту одна, глядя на холодные осенние звёзды. *«Я — верная правая рука Владыки, — привычно повторила она про себя. — Но почему тогда внутри такая глухая тоска, словно у меня отняли что-то бесконечно важное?»*

Задавив непрошеную мысль, она вернулась к стоянке и легла на край своего плаща, куда во сне тут же доверчиво прижалась тёплым боком и замурчала Ника.

Стоило закрыть глаза, как темнота расступилась, сменившись ослепительным солнцем, высокой травой и густым, медовым запахом спелых яблок.

— Ты вернёшься? — спросил из солнечного марева тихий, до боли родной голос.

— Вернусь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она проснулась рывком, чувствуя на щеках горячую влагу, и судорожно вытерла слёзы ладонью, озираясь в темноте. Ника безмятежно сопела под боком. Раньше, до встречи с этим светловолосым капитаном, ей никогда не снились такие сны. Понимая, что за этим видением кроется что-то важное, Лисса плотнее закуталась в плащ, пытаясь забыться сном хотя бы до рассвета.

Глава 3: "Три капли"

Утро началось с пронзительного холода — осень всё сильнее вступала в свои права.

Лисса проснулась задолго до рассвета. Костёр почти погас. Этот отряд вёл себя слишком беспечно: они чувствовали себя в полной безопасности в границах человеческого королевства. Она бесшумно поднялась и окинула спящих быстрым, оценивающим взглядом. Гаррет спал сидя, тяжело прислонившись спиной к ростовому щиту. Мира дремала на телеге, обняв лук. Селена спала, с головой укутавшись в дорожный плащ. Загадочный мальчишка обнаружился там же, где она ощущала его присутствие в последний раз — на самом краю оврага. А Ника свернулась пушистым клубком прямо у углей, прикрыв нос хвостом; её уши изредка сонно подёргивались.

Эйтан уже не спал. Он сидел напротив и внимательно смотрел на неё своими пронзительными голубыми глазами, подкидывая сухие ветки в угасающий огонь.

— Ты плохо спала, — негромко заметил он.

— Я хорошо спала.

— Ты дёргалась во сне. Тебе снились кошмары?

Лисса не ответила.

— Ещё рано? — спросила она, переводя тему.

— Нет, самое время, — Эйтан поднялся на ноги и с хрустом потянулся. — Эй, сонное царство! Подъём!

Лагерь нехотя зашевелился, медленно собираясь в дорогу. Путь отряда лежал строго на север — через лесные тропы, открытые поля и редкие приграничные деревни, которые Лисса раньше всегда осторожно обходила по дуге. Герои шли вперёд. К Владыке и своей скорой смерти в фальшивом зале.

Ника плелась позади телеги. Её рыжий хвост мерно покачивался, кошачьи уши ловили каждый шорох. Она почти не спотыкалась, лишь иногда засматривалась на пролетающих птиц, облака или поздних бабочек.

— Ника, не отставай, — строго бросила Мира с телеги.

— Я не отстаю! — зверолюдка в три прыжка догнала обоз. — Я просто... смотрю.

— Смотри лучше под ноги.

— Зачем? Там всего лишь... — Ника запнулась о корягу и с размаху растянулась в высокой траве. — Я так и хотела! — буркнула она, приподнимаясь и смешно выплёвывая травинки изо рта.

Мира лишь тяжело вздохнула, а Ника глупо и тепло заулыбалась. Лисса наблюдала за ней со стороны: она не была по-настоящему глупой — просто рассеянной, наивной и слишком любознательной. Она замечала абсолютно всё вокруг, но редко обращала внимание на то, что действительно нужно для выживания.

Селена, как обычно, читала прямо на ходу. Фолиант в массивном кожаном переплёте занимал все её мысли. Магичка вообще не смотрела под ноги, будто её тело само идеально чувствовало рельеф дороги — или ей просто было всё равно на реальность.

— Селена-а-а, — Ника пристроилась рядом, заглядывая в раскрытый разворот. — Что ты там читаешь?

— Историю.

— О чём?

— О Войне Теней, — сухо ответила она.

— А что там было?

— Много смертей.

— Скучно, — Ника широко зевнула, едва не вывихнув челюсть. — Вот я люблю рыбу и кушать, и ещё рыбку и...

Зверолюдка резко замолчала на полуслове. Её золотые глаза округлились, уставившись на ветку старого дуба, где сидела крупная птица с ярким отливом перьев.

— Красивая, — восхитилась Ника.

— Это ворона, — даже не повернув головы, отозвалась Селена.

— Ворона? — Ника смешно наклонила голову набок. — Всё равно красивая.

— Она чёрная.

— И что? Чёрное — это красивое.

Селена на секунду оторвалась от текста, смерила кошку долгим, усталым взглядом и снова вернулась к чтению:

— Ты ведёшь себя как маленький ребёнок.

— Я не ребёнок! — Ника обиженно надула губы и сердито дёрнула хвостом.

Лисса молча наблюдала за зверолюдкой. Наивная, рассеянная девчонка, но внутри от неё ощущалась смутная тревога. В этой кошке таилось нечто странное: абсолютная детская простота, под которой скрывалась опасная, первобытная звериная натура. Дикий хищник, готовый в любую секунду вырваться наружу, если сорвать этот забавный поводок.

«Она может стать проблемой».

В полдень отряд устроил короткий привал. Ника сидела на бревне и с огромным удовольствием уплетала сырую рыбу — одну за другой, жуя медленно и блаженно прикрыв глаза.

Лисса подошла ближе и сухо спросила:

— Ника. Ты где вообще рыбу берёшь?

— Ловлю, — невнятно пробормотала та, не открывая глаз.

— Где?

— В реке.

— Мы не проходили сегодня реку. Ближайший водоём в трёх днях пути.

Ника мгновенно замерла. Рыбий хвост так и остался торчать у неё изо рта, уши испуганно прижались к голове, а рыжий хвост судорожно дёрнулся.

—...Не проходили?

— Нет.

— Странно, — Ника с трудом проглотила кусок и растерянно захлопала глазами. — Тогда откуда у меня рыба?

— Вот именно.

Зверолюдка с подозрением посмотрела на зажатую в лапе полусъеденную тушку, потом — на Миру, потом снова на рыбу:

— Может... она сама ко мне пришла? Из леса?

Мира в очередной раз тяжело вздохнула, едва заметно покачала головой и отошла в сторону, а Ника лишь беззаботно пожала плечами и с прежним аппетитом продолжила жевать.

Лисса смотрела на неё сверху вниз.

«Глупая, милая кошка».

Мысль кольнула сознание, и Лисса внутренне содрогнулась.

«Да что со мной такое? Откуда эти мысли и сопереживание?»

Её внутренний покой снова дал трещину, с трудом подавляя внезапную аномальную привязанность.

Ночью лагерь погрузился в сон. Лисса, как обычно, бодрствовала, сидя на поваленном дереве на границе света и тени. Внезапно из темноты бесшумно вынырнула Ника — зверолюдка без лишних слов подошла и доверчиво улеглась прямо на траву, устроив свою рыжую голову на коленях Лиссы.

— Ты не спишь, — тихо заметила кошка.

— Нет.

— Почему?

— Не хочу.

— Странно, — Ника сладко зевнула. — А я очень люблю спать. Сны — это здорово. Там всегда много рыбы. Огромные такие кучи рыбы...

Она негромко, уютно хихикнула.

— Ты смешная, Ника.

— Я знаю, — зверолодка закрыла глаза, устраиваясь поудобнее на её коленях. — Мне все так говорят. Но я не против. Смешных ведь все любят, правда? А ты хорошая, Лисса. Тёплая.

Лисса поддалась странному порыву и аккуратно почесала зверолодку между пушистых ушек. Ника тут же довольно замурчала и заснула — мгновенно, за долю секунды, как умеют только кошки.

Лисса смотрела на спящую девчонку, продолжая медленно гладить её по голове.

«Она не знает, кто я. И никогда не узнает».

Внутри её холодного разума вдруг заворочалось что-то тяжёлое и тёмное. Ей стало грустно — и это чуждое человеческое чувство пугало сильнее любой угрозы.

На следующий день дорога вывела их на широкую, залитую блёклым солнцем поляну, окружённую густой стеной кустарника.

Лисса заранее почувствовала чужое присутствие и резко остановилась, вскинув ладонь:

— Стой.

— Что там? — Эйтан мгновенно перехватил копьё поудобнее, его голубые глаза сузились.

— Засада.

— Где? — Гаррет выставил щит вперёд, вглядываясь заросли.

Лисса улавливала маркеры угрозы через свои обострённые чувства: запах дешёвого неочищенного железа, кислый пот, немытые тела и старая кровь. Людей было немного.

— Впереди, в густых кустах справа и слева. Больше десяти человек.

— Ты уверена? — Эйтан напрягся.

— Да.

Гаррет с металлическим стуком зафиксировал щит, Мира одним слитным движением достала стрелу и натянула тетиву, Селена спокойно раскрыла свой фолиант. Ника шумно повела носом, плотно прижав уши к черепу:

— Пахнет очень плохо, — брезгливо фыркнула кошка. — Как от мокрого, грязного пса.

— Это точно разбойники, — коротко сказала Мира.

Коренастый гном шагнул вперёд и оглушительно взревел на всю поляну:

— Эй, трусливые мешки с навозом! Выходите! Я разделаю вас так, что родные мамыши от вас откажутся!

Эйтан досадливо качнул головой:

— Ты слишком несдержан, Гаррет. Мы могли просто обойти их по дуге, без лишнего шума.

Но было поздно. Кусты с треском лопнули, и на поляну вывалилась толпа — пятнадцать грязных, оборванных и злых разбойников с оружием в руках. Они не просто выбегали, они как безумные неслись с трёх сторон сразу, на удивление слаженно и быстро.

— Не ссать, братва! — проорал рослый вожак с тяжёлым топором. — Вали их всех! Девоч брать живьём!

Первый бандит — коренастый, бородатый, с гнилыми зубами — прыгнул на Гаррета, обрушивая топор сверху вниз. Гном со звоном встретил удар на стальную кромку ростового щита, высекая сноп искр, и даже не шелохнулся, словно врос в землю. Второго шанса нападавшему он не дал: его тяжёлый молот пошёл по короткой траектории снизу вверх, с глухим

хрустом ломая разбойнику грудную клетку. Мужчина отлетел назад на три шага, мгновенно выронив оружие, и затих в траве.

— К телеге! — крикнул Эйтан, перехватывая копьё. — Кольцом! Гаррет — удерживай передний край! Мира — левый фланг! Лисса — держи правый!

Отряд мгновенно свернулся вокруг обоза, как вокруг центра мира. Справа к телеге уже бежали двое, на ходу вскидывая ржавые тесаки. Сухой, короткий свист тетивы — и стрела Миры насквозь прошила первому голову; мужчина по инерции сделал ещё шаг и с чавкающим, булькающим хрипом уткнулся лицом в жухлую траву. Вторым нападавшим успел на бегу швырнуть длинный нож, но клинок со звоном увяз в толстой коже ростового щита, которым Гаррет, даже не оборачиваясь, вслепую прикрыл стрелявшую Миру. Она лишь коротко кивнула гному и уже накладывала вторую стрелу.

Селена стояла у самого борта телеги. Она быстрым движением выдернула из-за пояса плоский рунный камень на потёртом шнурке — малый амулет-накопитель, созданный её собственными руками. Магичка резко сжала его пальцами, сказала пару непонятных слов. Камень вспыхнул белым сиянием, и по земле от её ног во все стороны разбежались ревущие огненные змеи. Четверо разбойников, рванувших на обоз с фланга, мгновенно вспыхнули живыми факелами. Огонь за секунду сожрал ткань, впиваясь в плоть; мужчины с дикими, истошными воплями повалились на землю, катаясь по траве и тщетно пытаясь сбить рунное пламя. Воздух у телеги забил тяжёлым запахом горелого мяса, но чары оберега кончились в ту же секунду. Малый артефакт в её ладони рассыпался в горсть серой пыли, — и неизбежный рунный откат мгновенно догнал её тело. Селена коротко нахмурилась и глухо выдохнула, когда пальцы правой руки свело тупой, ноющей судорогой. Привычная, въевшаяся в кости плата рунной магии, чужой магии, но такой необходимой — неприятное последствие, выматывающая, но вполне терпимая.

— Книжница! — Гаррет двинулся было к ней, мощным ударом щита отбрасывая в сторону очередного наседавшего бандита.

— Не отвлекайся гном, я сама могу справиться! — крикнула раздраженно Селена, растирая занемевшую кисть и упрямо вскидывая подбородок. — Не трать свои силы на меня! Прикрой тех, кто действительно слаб!

Гаррет яростно рыкнул в бороду и встал между магичкой и наступающими врагами, как несокрушимые каменные ворота. Ника рыжей молнией металась на подмогу: с диким, пронзительным рыком она прыгнула со ступицы колеса прямо на спину бандиту, занёсшему тяжёлую дубинку над головой гнома. Её острые когти насквозь прошили мужчине ключицу, и разбойник с истошным воплем рухнул лицом в грязь, и она продолжила его рвать, пока он не затих. Эйтан действовал плавно, нехотя, но смертоносно. Круговым, отточенным движением он перехватил копьё и мощным ударом древка в висок сбил налетевшего вожака с ног — тот мешком осел в траву и замер, выронив свой топор. Свой собственный меч капитан так и не вынул из ножен, щадя чужие жизни, пока это было возможно. Он пятился спиной к Гаррету, удерживая копьё наискось, дважды гном и капитан сцеплялись спинами. Один закрывал товарища от летящего сбоку тесака, второй вовремя подставлял копьё под удар, метивший гному прямо в затылок. Они работали в паре так, как привыкли работать месяцами.

Лисса всё это время сознательно держалась на самой периферии общей свалки, сжимая в руках два обычных стальных кинжала. Никакой магии, никакого демонического образа, чтобы не вызвать лишних подозрений у Селены. Всего под её одеждой было надёжно спрятано восемь клинков: по два в голенищах сапог, четыре на грудной перевязи и два за спиной, но для простого лесного проводника сейчас вполне хватало и двух. Она хладнокровно работала по краю, быстрый уклон, подставить ногу — и бегущий на неё бандит с размаху летел носом в грязь; короткий, почти незаметный удар ребром ладони под дыхало, точный выпад под рёбра. Один из нападавших попытался перехватить её, занося ржавый топор, но внезапно осёкся: из-за плеча

Лиссы со свистом вылетела стрела Миры и намертво пригвоздила его к стволу старого орешника. Полукровка на телеге даже не взглянула на спасённую проводницу — просто привычным движением вытянула из колчана следующую стрелу. Лисса не тратила силы, она наблюдала за боем отряда.

Их оставалось всего шестеро, когда разбойники бросились в последний, отчаянный бросок — разом, с животным безумием обречённых на смерть. Их боевой дух падал растворяясь в криках умирающих. Один бандит с тяжёлым мясницким секачом рванулся к Эйтану со слепой зоны, а двое других, сообразив, кто здесь самый слабый, наперерез бросились к Селене, оставшейся без защиты у телеге. Селена медленно подняла свободную левую руку и резким, рваным движением начертила сложную руну прямо в воздухе. Без камня, без накопителя — голым пальцем, по памяти, выжигая живой образ руны. Она вспыхнула ослепительным, мертво-голубым светом, и от её раскрытой ладони сорвалась тяжёлая ледяная волна — широкая и плотная. Троих нападавших она смела на месте: мужчины мгновенно застыли с поднятым оружием, их лица и одежда в долю секунды обросли толстым слоем седого инея, и они грузно рухнули навзничь, со звоном разбиваясь о землю, как старые глиняные кувшины. Тут же ударил откат от применения рунной магии. Селена резко выдохнула, её плечи напряглись, а пальцы левой руки свело глубоким, тягучим спазмом. Боль обожгла сухожилия, заставив её пошатнуться и опереться спиной о борт телеги, но она даже не поморщилась, лишь упрямо стиснула зубы, пережидая волну.

— Селена! — Ника обеспокоенно обернулась к ней, испуганно поджав хвост от смешанного запаха гари и мороза.

— Не отвлекаясь, — негромко выдохнула магичка, разминая непослушные, каменеющие от спазма пальцы. Голос её звучал ровно, хоть и глуше обычного. — Я в порядке. Это просто расплата. Руны всегда бьют по телу.

Она бросила взгляд сначала на серую пыль своего разрушенного оберега, а затем на остатки тел разбойников, и её глаза на секунду сузились:

— Я могла бы взять силу Магией памяти... — тихо, с холодной усмешкой прошептала она. — Одна короткая вспышка — и они все обратились бы в пепел, но я пока не готова расставаться со своими воспоминаниями. Надо быть прагматичной.

Разбойник, зажимавший в руке ржавый меч, рванул на Эйтана уже без всякого плана и расчёта, на одном слепом отчаянии загнанного в угол зверя. Капитан встретил его выпад коротко, жёстко: остриё копья с хрустом вышло из-под ключицы, бандит грузно сел в окровавленную траву и больше не поднялся.

В этот момент самого последнего нападавшего Лисса должна была встретить на развороте — она уже занесла руку для смертельного выпада кинжалом, но в этот самый миг увидела, Эйтана, который сделал выпад копьём. Внутри Лиссы что-то с хрустом сорвалось. Память взбунтовалась, выстроив перед глазами фантомный образ узнаваемого человека в той же позе и рука замерла в воздухе. Она остоленела, не в силах нанести удар. Именно в этот момент Ника, почуяв звериным нюхом внезапную вспышку её страха, прыгнула из кустов наперерез бандиту. Её повседневная глупость и дурость испарились без следа: перед Лиссой предстал истинный, первобытный хищник. Дикий оскал обнажил острые клыки, зрачки золотых глаз сузились в тонкие, смертоносные щели, а из пальцев с тихим шелчком выехали длинные бритвенные когти. Зверюлька в один безумный прыжок повалила разбойника на землю, и её когти с влажным хрустом разорвали мужчине горло. Кровь хлынула фонтаном, мгновенно залив всю рыжую шерсть Ники. Бандит затих.

Спустя мгновение дикий зверь внутри Ники исчез, словно его и не было. Ника резко обернулась к Лиссе — уши её снова весело встали торчком, а на губах заиграла привычная, абсолютно наивная улыбка, дико и жутко смотревшаяся на залитом свежей кровью лице:

— Я спасла тебя! Здорово, да?

—...Спасибо, — выдавила Лисса.

«Она искренне думает, что спасла меня».

— Пожалуйста! — Ника слезла с трупа, брезгливо посмотрела на свои лапы и смешно сморщила нос. — Ой-ёй... Сколько кровищи на когтях. Теперь её так долго отмывать придётся!

Лисса внимательно всматривалась в её лицо: эта девчонка только что без капли сомнений разорвала человеку горло, а теперь всерьёз переживала о чистоте шерсти.

— Ника... Ты часто убиваешь людей? — тихо спросила она.

— Не-а, — зверолоудка беззаботно покачала головой, яростно вытирая лапы о густую траву поляны. — Только когда очень-очень надо. Ну и ещё когда... — она замялась, смешно наморщив лоб и о чём-то напряжённо думая, —...когда я на охоте! Во!

Ника снова тепло и совершенно искренне улыбнулась Лиссе — так живо и наивно, словно они стояли не посреди горы трупов, а мирно собирали ягоды в лесу.

Тишину поляны нарушил глухой шорох. Из травы, где он упал в начале драки, медленно поднимался вожак разбойников. Он сильно пошатывался, лицо было бледным, а пальцы едва удерживали топор. Мужчина диким, растерянным взглядом оглядел поляну. Из пятнадцати человек его банды в живых остался только он один.

Эйтан спокойным шагом направился к нему. Вожак в ужасе зажмурился, ожидая стальное остриё в сердце, но удар пришёлся тяжёлым древком копья точно в висок. Вожак осел на колени и повалился набок, оставшись жить и мерно дышать в пыли.

«Мог убить его, но не стал. Зачем эта жалость?»

После боя Гаррет и Эйтан быстро скрутили верёвками единственного выжившего, оглушённого бандита.

Гаррет подошёл к Лиссе, вытирая руки ветошью:

— Ты сражалась достойно, но что это было в конце? Ты будто остолбенела, — произнёс гном.

Лисса подняла на него взгляд. Молчаливый, избыточно подозрительный гном — она сразу заметила, что на его правой руке под плотной перчаткой скрывается старый, глубокий ожог.

— Я не знаю, — спокойно ответила она.

Гном долго и пристально вглядывался в её лицо, а затем коротко кивнул своим мыслям:

— Разберись. Я не хочу бояться за свою спину и гадать в бою, прикрывают меня или нет.

Гаррет развернулся и отошёл к телеге, а следом подошёл Эйтан и устало присел рядом с ней на поваленный ствол. На лице капитана читалась глубокая, искренняя грусть.

— Ты в порядке, Лисса? Не ранена? — его рука потянулась к Лиссе, но замерла.

— Да. В порядке. К сожалению для меня, это не впервые.

— Ты хорошо держалась в бою.

— Спасибо. Я же говорила, что не буду обузой.

— Мы сдадим этого выжившего разбойника властям в ближайшем поселении, — Эйтан посмотрел в сторону связанного пленника.

Лисса вгляделась в его профиль. Голубые глаза героя были честными, но сейчас в них сквозила тяжёлая печаль.

— Ты пощадил его. Почему? Он ведь собирался нас ограбить и убить.

— Я не люблю лишнюю пролитую кровь, — тихо ответил Эйтан, не глядя на неё. — Мой отец всегда говорил: если законы мира дают тебе шанс не убивать — не убивай. Не всегда получается следовать этому правилу, но я очень стараюсь.

— Даже когда дело дойдёт до Владыки? — язвительно прищурилась Лисса, нащупывая уязвимые места в его броне праведника.

Эйтан замер и медленно повернул голову. Его ясные голубые глаза потемнели:

— Нет, — тихо, но с пугающей каменной решимостью ответил Герой. — Это совсем другое. Владыка — абсолютное зло этого мира, и он заслуживает только смерти.

Она промолчала.

— Я не всегда понимал это, — мягче добавил Эйтан и посмотрел на неё с прежней теплотой. — Но сейчас... кажется, начинаю понимать. Что ты будешь делать, когда всё это закончится?

— Я об этом не думала, — ответила Лисса. И это была почти правда.

— Странно, — капитан повернулся к дороге. — Ты говоришь так, словно после нашего похода больше ничего нет.

— Может, и так.

Он кивнул, не став давить дальше. Гаррет тем временем достал толстую бечеву, для надёжности ещё раз стянул разбойнику руки и забросил пленника на дно телеги.

Когда опустилась ночь, разожгли костёр — Гаррет без усталости подбрасывал дрова, понимая, что чем дальше от столицы, тем опаснее тракт.

Ника сидела на бревне, изредка поглядывая на Лиссу выжидающим взглядом.

— Ника, — негромко позвала Лисса.

— М? — кошка подняла голову, забавно прижав уши.

— Спасибо. За помощь.

— Мы же напарницы! Ты хорошая, Лисса, я чувствую. От тебя пахнет... необычно.

— Чем?

— Как лес после сильного дождя. И чем-то ещё... Не помню, но хорошо.

— Спасибо.

— Пожалуйста! — Ника потянулась за вяленой тушкой, но та соскользнула с колена и упала прямо в раскалённые угли. Кошка сиротливо поджала хвост: — Ой. Моя рыба.

— Возьми другую.

— Это была последняя...

— У тебя за пазухой ещё три.

Зверолоудка торопливо ощупала карманы куртки — точно, три! Её уши моментально встали торчком, и она снова весело принялась жевать, вызывая очередной тяжёлый вздох Миры на телеге.

Несмотря на лёгкую победу над разбойниками, в лагере ощущалась глухая натянутость.

«Владыке это на руку, — хладнокровно подумала Лисса. — Страх сделает их уязвимыми».

— Сегодня организуем ночное дежурство, — скомандовал Эйтан. — Первым караулю я.

Вскоре лагерь затих. Лисса прикрыла глаза, выжидая, и незаметно задремала, пока тяжёлая ладонь в грубой перчатке осторожно не коснулась её плеча.

— Твоя очередь охранять лагерь, — хмуро буркнул Гаррет.

Лисса молча кивнула, поднялась и пересела на поваленный ствол. Дождавшись, пока гном устроится на ночлег, а луна скроется за плотными облаками, она бесшумной тенью скользнула в ночную чащу, оставив стоянку без охраны.

Далеко от лагеря, в густой тени старого вяза на лесной поляне, её ждала Лирара. Кожистые крылья были плотно сложены, на губах играла привычная ухмылка, но взгляд высшего суккуба оставался холодным.

— Госпожа Лисса.

— Лирара.

— Владыка требует свежих вестей.

— Сегодня днём был бой. Обычные лесные разбойники, угроза ликвидирована.

— Вы не пострадали? — Лирара прищурилась, и в её голосе скользнуло высокомерие. — Как отряд показал себя в деле?

— Трудно сказать, противник был слишком слаб. Я старалась лишний раз не светиться, но они слепы и беспечны — до сих пор не замечают того мальчишки, что плетётся следом. Сила у них есть, но осторожности нет. Работают слаженно, но чувствуется неуверенность. У гнома сильно обожжена рука, это можно использовать, а у Эйтана есть жалость даже к разбойникам. Типичный герой-праведник. Нам пригодится. Селена в первую очередь использует рунную магию, а не магию памяти.

Лирара брезгливо дёрнула плечом и натянуто улыбнулась:

— Владыка будет рад это услышат, а о грязном человеческом отродье не беспокойтесь — обычный бродяжка, скоро сам отстанет по дороге. Держи, хозяин передал тебе это.

Она достала из-за пазухи маленький стеклянный флакон, внутри которого колыхалась абсолютно прозрачная вязкая жидкость.

— Это усыпит искру на время, — прошептала Лирара. — Подмешивайте в питьё герою каждый день, ровно по три капли. Вкуса и запаха он не почувствует.

— Как он действует?

— Ослабляет его скрытую суть. Шаг за шагом яд усыпит его Искр. Через неделю его пальцы начнут неметь, он потеряет былую точность. Потом искра уснёт, а весь его отряд, привязанный к ауре лидера, ослабнет вместе с ним. Тогда Владыка и встретит Героя.

Лисса крепко сжала холодное стекло флакона.

— Госпожа, — Лирара понизила голос, пристально вглядываясь в её лицо. — Вы... в порядке? Я чувствую ваши сомнения. Они пахнут удушливо.

— Да. В порядке.

— Вы недоговариваете, — суккуб ядовито улыбнулась. — Новая человеческая маска слишком сильно приросла к вам?

— Это не твоё дело, Лирара.

Суккуб раздражённо повела плечом и расправила колоссальные крылья:

— Я передам ваши слова и своё беспокойство Владыке. Будьте осторожны, госпожа.

С резким хлопком Лирара взмыла в ночное небо и растворилась за верхушками деревьев.

Лисса осталась одна. Посмотрела на прозрачную жидкость в лунном свете — идеальное оружие шпиона. Тенью вернувшись в лагерь, чьи обитатели так и не заметили её отсутствия, она остановилась у костра. Эйтан безмятежно спал, но Лисса знала: этот герой опасен. Его Искра была живой и пугающе чистой — совсем не такой, как у прежних воинов, но у неё был долг перед Чёрным замком, и она его выполнит.

Она продежурила до самого утра, не разбудив для дежурства Нику, а когда первые лучи солнца коснулись крон, подошла к котелку и заварила дорожный чай. Налила кружку для капитана, достала флакон и точным, механическим движением отмерила ровно три капли. Прозрачная жидкость растворилась в кипятке без следа.

Эйтан открыл свои ясные голубые глаза, потянулся и с удивлением посмотрел на поставленную рядом дымящуюся кружку. Тепло, улыбнувшись Лиссе, он взял чай и выпил всё до дна.

Внутри Лиссы словно провернулся невидимый нож — перед рассветом, прикрыв веки у огня, она снова на миг провалилась в тот проклятый сон про солнечную поляну и яблоки. С ней определённо творилось что-то неладное.

Эйтан поднялся, застёгивая дорожный плащ, и подошёл к ней:

— Ты готова?

— Конечно. Идём.

Они двинулись дальше на север — строго по тракту, ведущему к приграничной деревне и скорой гибели в фальшивом зале. А позади телеги в утреннем тумане всё так же беззвучно кралась бледная тень мальчишки.

«Он начинает меня напрягать, это уже кажется странным»

Глава 4: "Праздник урожая"

Деревня появилась на рассвете — маленькая, тихая, с низкими домиками под соломенными крышами и мирным дымом из печных труб. По узкой улице бегали собаки и куры, спешили женщины с плетёными корзинами и мужчины с рабочим инструментом. Настоящая, живая человеческая деревня — совсем не похожая на вечные сумерки города у Чёрного замка.

Отряд вошёл в деревянные ворота. Гаррет шагал впереди, за ним катилась телега со связанным разбойником, который с кляпом во рту и животным ужасом в глазах смотрел в серое небо. Мира сидела на борту с луком наготове — старая привычка не отпускала даже здесь. Селена сидела на краю телеги и читала книгу, Ника семенила рядом, с любопытством покачивая пушистым хвостом, а Эйтан шёл плечом к плечу с Лиссой, убрав копье за спину.

Лисса двигалась впереди и настороженно искала опасность: её взгляд цепко обшаривал окolicу в поисках священников Ордена или инквизиторов.

«Опасности нет. Только простые крестьяне».

Навстречу им вышел староста — сгорбленный, седобородый старик, изрядно потрепанный годами.

— Мы мирная деревня, путники, — осторожно начал он. — Надеюсь, вы не принесли с собой беду. Смотрю, вы кого-то поймали в лесу?

Эйтан коротко кивнул:

— Это разбойник с северного тракта. Мы не судьи и не палачи, хотим передать его законным властям.

Староста долго, не мигая всматривался в перекошенное лицо пленника, и его узловатые руки вдруг мелко задрожали:

— Этот выродок — один из тех, кто полгода назад убил на дороге моего сына и двоих односельчан... Неужели наши молитвы наконец услышаны.

— Он последний из той шайки, — тихо сказал Эйтан. — Больше никого в лесу не осталось.

Гаррет без лишних церемоний сгрёб связанного бандита с телеги и поставил на землю, как мешок с отрубями; тот лишь глухо замычал сквозь тряпку. Староста тяжело покачал головой:

— Городской суд столицы решит его судьбу. Завтра с утра отвезём его к страже, а пока запрём в глубоком погребе.

— Уважаемый. В нашей деревне многие пострадали от рук этой банды. Если он доедет до суда в более потрепанном виде, это не вызовет проблем?

— Думаю если по дороге он пару раз упадет или споткнется ничего страшного не случится.

— Спасибо. — сказал старик и низко поклонился. — А вы оставайтесь до рассвета — сегодня у нас праздник урожая, день святого Ярика. Отдохните с дороги, сон и ужин в таверне, это меньшее, чем мы можем отплатить.

Эйтан вопросительно взглянул на отряд. Все согласно кивнули — даже хмурый Гаррет, и уж тем более Ника.

— Праздник! Еда! — радостно взвизгнула кошка, прижав уши от восторга.

— Ты хоть иногда думаешь о чём-нибудь, кроме еды? — тяжело вздохнула Мира.

— Конечно! Ещё я думаю о рыбе!

Вечером деревенский трактир гудел от веселья, танцев и музыки. Звонко перекликались лютня, бубен и флейта, кто-то из местных пел — кривовато, но от всего сердца. В дальнем углу за кружками сидели несколько заезжих торговцев, заметно отличавшихся одеждой от крестьян.

Отряд устроился за длинным столом у окна. Гаррет по привычке сел спиной к глухой стене, пристроив ростовой щит у колена, рядом с ним опустилась Мира. Селена уткнулась в страницы, даже не глядя на круг танцующих, Ника уже всюю расправлялась с жарким, а Эйтан сел рядом с Лиссой. Она в это время молча наблюдала за кружащимися парами.

«Они счастливы и свободны. Кажется, совсем не желают никому зла...» — мелькнула непрощенная мысль, но она тут же жёстко оборвала себя. *«Нет. Они — люди, чьи армии угрожают моему дому».*

Хозяин трактира — грузный, широкоплечий детина с косым шрамом через всю щёку, в котором безошибочно угадывался бывший вояка, — с грохотом выставил на центральный стол огромный глиняный кувшин:

— Гуляйте, отдыхайте уважаемые! Сегодня всё даром — староста угощает вас в честь праздника!

— Всё даром?! — глаза Ники стали круглыми, как золотые блюда, она пулей сорвалась с лавки и унеслась к столам с пирогами и жареным мясом.

— Ника, стой! — крикнула вслед Мира и безнадежно закрыла лицо ладонью.

Уголки губ Селены над книгой впервые дрогнули в едва заметной улыбке. Музыка заиграла быстрее, а через минуту вернувшаяся с полной охапкой еды Ника торопливо проглотила кусок пирога.

— Ника, — позвала её Мира.

— М-м?

— Потанцевать не хочешь? Вон как они.

Зверолоудка перевела подозрительный взгляд с пляшущих крестьян на свою гору еды.

—...А моя еда точно не пропадёт?

— Я лично покараулю.

Кошка тут же вскочила и ворвалась в самый центр круга. Танцевала она нелепо, смешно и совершенно невпопад, размахивая рыжим хвостом, но с таким искренним, неудержимым восторгом, что деревенские вокруг покатались со смеху, а она весело хохотала вместе с ними.

— Она ужасно танцует, — негромко заметила Селена.

— Зато она счастлива, — тепло ответила Мира и, покосившись на бледное лицо магички, вдруг спросила: — А ты вообще когда-нибудь улыбаешься, Селена?

— Иногда.

— Ни разу не видела.

— Ты просто не смотришь, — спокойно парировала та, перевернув страницу. Мира тихо хмыкнула и отпила из кружки.

В этот момент дверь трактира скрипнула, впуслав порыв холодного ветра. На пороге стоял странник. Высокий, в выцветшем плаще застёгнутом на застёжку в виде головы ворона, с лютней в потрёпанном чехле за спиной. Борода его была странного цвета — не то рыжая, не то чёрная. На ногах солдатские сапоги. Он оглядел зал, будто прикидывая, где есть свободное место, и, не найдя лучшего варианта, направился напрямик к их столу.

— Не помешаю, господа? — он не стал дожидаться ответа и грузно опустился на лавку рядом с Лиссой. От него пахло дорожной пылью, старым вином и каким-то неуловимым запахом чужих дорог. — Меня зовут Даркспирит. Пою то, что видел, и то, что слышал.

— Что за имя такое? — Эйтан прищурился, отставляя кружку.

— Сам не знаю, — бард беззаботно улыбнулся, вытягивая из чехла лютню. — Увидел когда-то в развалинах за Гнилыми топями. Выцарапано на камне, чужими буквами. А слово звучит хорошо. Звучит, как походный барабан.

Селена на секунду оторвалась от книги. Её холодные глаза скользнули по лицу барда, но она ничего не сказала, лишь крепче сжала переплёт очередной книги.

— Угостите певца кружкой пива, — Даркспирит кивнул на кружку пенного. — А я в долгу не останусь. Сыграю вам такую песню, какой вы ещё не слышали. О любви? О магах? О битвах? — он перевёл взгляд на Лиссу, словно чувствуя в ней что-то особенное. — А может, о пустых? О тех, кто отдал всё, но забыл, зачем?

Селена замерла. Её рука, потянувшаяся к кружке, застыла в воздухе.

— Давай, — глухо сказала она.

Даркспирит кивнул, будто и не ждал другого ответа. Он встал на стул, ударил по струнам, и трактир мгновенно притих.

Песня была негромкой, тягучей, как осенний дождь. Он пел о маге, что стоял на стене крепости, отдавая свои воспоминания одно за другим, чтобы зажечь огонь и удержать тьму. И когда тьма отступила, маг посмотрел на свою пустую ладонь и не вспомнил, как его зовут.

...Он отдал смех, он отдал дом,

Он отдал мать, простился с отцом.

И только пустота потом,

Смотрела молча ему вслед

И лишь наградой был ему

Пылающий как факел враг

Такая вот цена побед

Без памяти остался человек

Отдал себя за магию

Печальный и пустой

Навеки человек....

Лисса слушала, и внутри неё что-то сжималось в тугой комок. Она вспомнила свой сон: залитую солнцем поляну, тёплую руку и яблочный запах и поняла, что этот бард поёт хоть и не о ней, но о потере самой себя. О том, что она потеряла и не может найти.

Когда последний аккорд стих, зал молчал. Селена смотрела в стол, не двигаясь, словно статуя. Ника перестала жевать. Даже Гаррет отставил свою кружку.

— Хорошая песня, — тихо сказала Лисса, и голос её предательски дрогнул. — Спасибо.

Даркспирит молча склонил голову, спустился со стула, принимая из её рук медную монету, но, взглянув на притихший зал и на поникшие лица за столом, он вдруг звонко хлопнул себя по колену:

— Так, всё! Хватит киснуть, господа! — он широко, по-солдатски ухмыльнулся. — Я вам спел про пустоту, вы мне за это дали медный лестинг, но разве ж это дело — сидеть в праздник с постными кружками?

Он кивнул на полупустые кружки и подмигнул Эйтану:

— Уважаемый капитан, выставьте-ка мне ещё кружечку пенного, и я вам сыграю такую, что у самого старого гоблина пятки зачесутся, а заодно и вашу спутницу развеселю. Она смотрит на меня так, будто я у неё последнюю память забрал!

Лисса вздрогнула от его слов, но Эйтан уже улыбался. Он бросил на стойку ещё пару лестингов.

— Держи. Играй.

Даркспирит с довольным видом отхлебнул из принесённой кружки и ударил по струнам. Музыка взорвалась бешеным, озорным ритмом — что-то среднее между кабацкой дракой и пляской на ярмарке.

Лисса сидела неподвижно, глядя в столешницу. Пустота из прошлой песни была слишком похожа на её собственную.

Эйтан заметил это. Он молча поднялся из-за стола, обошёл лавку и протянул ей руку.

— Пойдём, — сказал он тихо, без нажима.

— Я не танцую, — глухо отозвалась она, не поднимая глаз.

— Я знаю, но иногда нужно просто встать и сделать шаг.

Лисса посмотрела на его ладонь. Медленно, словно сквозь толщу воды, она вложила свои холодные пальцы в его тёплую руку. Эйтан вывел её в центр танцующих людей.

Музыка Даркспирита была быстрой, но движения их были медленными, неуклюжими. Эйтан положил руку ей на талию, и они начали двигаться — не попадая в такт, словно в своём собственном ритме.

— Я правда не умею, — прошептала она.

— Я тоже, — ответил он. — Будем учиться вместе.

Он неловко наступал ей на ногу и пару раз споткнулся, но она даже не поморщилась. Он смотрел на неё — прямо, внимательно, и это было так, словно он держал её за руку над пропастью.

Она вдруг поняла, что улыбается.

— Вот видишь, — тихо сказал Эйтан. — Иногда можно просто побыть живой.

Лисса подняла голову, глядя в его смеющиеся голубые глаза и светлые кудри в золотистых отблесках свечей. Живой. Настоящий.

«Он умрёт, когда я доведу свою работу до конца», — ледяной иглой кольнуло под рёбрами. Она на миг зажмурилась. *«А может... не доводить?»*

Лисса открыла глаза — Эйтан смотрел на неё сверху вниз очень внимательно и серьёзно:

— Ты в порядке? Иногда ты словно уходишь куда-то совсем далеко отсюда.

— Я здесь.

— Нет. Не здесь.

Музыка стихла, но они ещё несколько долгих секунд стояли посреди зала, не разжимая рук.

— Спасибо за танец, — тихо сказала она, высвобождая пальцы. Рука Эйтана на секунду задержалась в воздухе, словно он хотел её удержать, но не решился. — Уже поздно, я поднимусь к себе в комнату.

Эйтан медленно опустил ладонь и проводил её долгим, озадаченным взглядом, гадая, какой случайной неловкостью успел спугнуть эту закрытую девушку или его неуклюжесть оттолкнула его.

Таверна гуляла до полуночи, пока все не разошлись по своим комнатам и домам.

В маленькой комнате под самой крышей трактира Лисса долго лежала без сна, разглядывая тёмные трещины в деревянных балках потолка, пока рядом уютно мурчала свернувшаяся калачиком Ника. Наконец усталость взяла своё, и тело провалилось в темноту.

Снова та самая залитая солнцем поляна, густая трава и одуряющий аромат спелых яблок. Но в этот раз она увидела их руки вблизи: свою маленькую, исцарапанную ежевикой ладошку — и широкую, крепкую ладонь старшего подростка с загрубевшими от деревянного меча мозолями, которая бережно сжимала её пальцы. Откуда-то из глубины старого сада тянуло тёплым домашним тестом и корицей, а сквозь ветер пробивались их юные голоса:

— Ты вернёшься?

— Вернусь.

— Обещаешь?

— Обещаю! Я всегда буду рядом.

Фигура обернулась сквозь солнечное марево: светлые взъерошенные кудри, ясные голубые глаза и знакомая до спазма в горле тёплая улыбка. Похож на Эйтана — до пугающего похож, но моложе и роднее.

— Кто ты?.. — прошептала она во сне.

— Ты знаешь, — грустно улыбнулся юноша. — Просто вспомни.

Лисса проснулась рывком, с мокрым от слёз лицом, и судорожно вытерла щёки дрожащей ладонью. Ника под боком безмятежно спала.

Откинув одеяло, она бесшумно выскользнула через окно на задний двор и ушла в ночную рощу за околлицей, где её ждала Лирара.

Суккуб стояла на залитой лунным светом поляне, плотно сложив крылья за спиной:

— Госпожа.

— Лирара.

— В деревне праздник?

— Да. Пустое человеческое веселье.

— Владыка интересуется, добавляете ли вы зелье? Оно действует на Героя?

— Добавляю. По три капли каждый день, как приказано. Оно уже действует, он начал немного спотыкаться.

— Хорошо. Хозяин будет доволен.

Лирара взлетела в ночное небо, а Лисса ещё долго смотрела на холодные звёзды, чувствуя, как под ложечкой сосёт от недоброго предчувствия.

Утром отряд собирался в дорогу у околицы: Гаррет проверял колёса телеги, Мира пересчитывала стрелы в колчане, Селена убирала книги в дорожную сумку, а Эйтан прощался со старостой у ворот погребя.

Лисса шла впереди колонны, выводя отряд на широкий тракт к Гавистону. Ника плелась рядом, задумчиво шевеля ушами. Вдруг она подняла голову и посмотрела на Лиссу:

— Странно... — тихо сказала кошка. — Тот мальчишка, что шел за нами от самой столицы. Я его больше не чую. Будто след оборвался.

Лисса не сбилась с шага, но внутри у неё всё похолодело.

— Ты его тоже не чуешь? — спросила Ника, заглядывая ей в лицо.

— Чувствовала, — ровно ответила Лисса, глядя прямо перед собой. — Но не обращала внимания. Мало ли кто ходит по трактам.

Она соврала. Она знала, что мальчик шел за ними, но говорить об этом сейчас, когда его уже нет, было бессмысленно.

— Ты права. Может он шёл в другую сторону и повернул.

Обоз тронулся с места. Староста долго махал им рукой с крыльца, деревенские мальчишки с криками бежали за телегой до самого моста, а увязавшиеся следом дворовые псы заливисто лаяли, пока Ника не обернулась и так грозно не зашипела на них по-кошачьи, что собаки тут же поджали хвосты и притихли.

«Я веду их на убой к Владыке... — билась в голове крамольная мысль. — А может, не надо?»

Глава 5: "Город"

Большой торговый город Гавистон показался за поворотом тракта к полудню.

Сначала ветер принёс густой запах печного дыма и горячего дёгтя. Затем донёсся глухой, непрерывный гул тысячи голосов, скрип нагруженных обозов, ржание лошадей и лай собак. И наконец из-за пожелтевшей осенней рощи выступили высокие серые стены, поросшие у основания старым мхом и прорезанные глубокими трещинами. У тяжёлых железных ворот, тронутых ржавчиной, лениво переминалась стража в кольчугах, высматривая, с кого из приезжих купцов можно содрать лишний лестинг за въезд.

Лисса резко остановилась на самом краю придорожного леса. Осень здесь уже всю цеплялась за кроны, срывая жёлтые, багряные и бурые листья и бросая их под сапоги. Лесная тишина осталась позади — впереди гудел чужой человеческий муравейник.

— Дальше я не пойду.

Шедший рядом Эйтан удивлённо обернулся. Полы его серого дорожного плаща распахнулись от ветра, открывая ножны меча. Капитан внимательно посмотрел на неё своими ясными голубыми глазами:

— Что?

— Я не пойду в город, — Лисса неотрывно смотрела на зубчатые стены. — Не люблю города.

— Почему?

— Слишком много людей. Слишком много чужих глаз.

«И слишком много священников Ордена, — мрачно добавила она про себя. — Здесь наверняка есть инквизиция, а сильные клирики почувствуют метку Владыки за версту».

Эйтан секунду вглядывался в её замкнутое лицо, но давить не стал и понимающе кивнул:

— Хорошо. Ты слишком долго жила в лесу. Мы войдём внутрь, пополним припасы и попросим аудиенции у градоначальника, а к закату вернёмся.

— Я подожду вас в роще по ту сторону дороги.

— Не стоит сидеть на холодной земле, тучи собираются к дождю, — капитан кивнул на деревянные постройки предместья у развилки. — Вон придорожная таверна, «Пьяный гоблин». С виду тихая и немногочисленная. Подожди нас там, мы обернёмся быстро.

Она молча кивнула.

В этот момент с телеги легко прыгнула Мира. От резкого движения глубокий капюшон сполз с её головы, на секунду обнажив маленькие, чуть заострённые ушки полукровки. Лучница тут же нервно дёрнула ткань обратно на самые брови и отвела разноцветные глаза в сторону — своих нечеловеческих черт она стеснялась всегда, особенно вблизи людных мест.

— Я останусь с ней, — глухо сказала Мира.

Эйтан посмотрел на девушку с мягким пониманием:

— Уверена?

— Кто-то же должен за ней присмотреть, — полукровка криво улыбнулась уголком губ. — Да и за стенами куда спокойнее, чем в городской толкучке, но смотри, капитан: если задержитесь допоздна — я сама пойду вас искать, и тогда тебе несдобровать.

Эйтан тепло усмехнулся и кивнул. Он вообще никогда не спорил с Мирой — и Лисса мысленно зафиксировала эту деталь.

Обоз двинулся к воротам. Ника смотрела на каменные стены как на личного врага, но её розовый нос уже всю ходил ходуном — зверолодка чуяла запах городских пекарен. Селена сидела в телеге, по обыкновению не отрываясь от потрёпанной книги в кожаном переплёте.

Лисса проводила их взглядом и заметила, как смотрела вслед Эйтану оставшаяся рядом Мира. В её глазах было что-то совсем детское, беззащитное и бесконечно преданное — так спасённый от волков щенок смотрит на родного человека.

— Идём, — негромко позвала Лисса. — «Пьяный гоблин» ждёт.

Придорожная таверна оказалась старой, покосившейся и прокуренной. Тёмные бревенчатые стены за десятки лет насквозь пропитались свечным чадом, кислым пивом и дорожным потом. За стойкой лениво протирали кружки лысый одноглазый трактирщик с клочковатой, похожей на сухой мох бородой — пугающе тощий для содержателя харчевни, — а между редкими столами сновала усталая беззубая подавальщица.

Они заняли самый дальний угол у закрытого окна. Мира заказала две глиняные кружки эля, Лисса попросила горячего травяного чая.

— Ты совсем не пьёшь хмельного? — спросила полукровка, двигая к себе кружку.

— Нет.

— Почему?

— Разведчик всегда должен оставаться с трезвой головой.

Мира усмехнулась одним уголком губ:

— Ты на любой вопрос отвечаешь так, словно держишь круговую оборону.

— Потому что это правда.

Лучница сделала глоток, долго смотрела на тающую белую пену, а затем неожиданно подняла на Лиссу свой странный взгляд — один глаз обычный зелёный, а второй жёлтый, звериный:

— Можно тебя кое о чём спросить?

— Спрашивай.

— Откуда ты на самом деле взялась, Лисса?

Шпионка помолчала. Густой пар над глиняной чашкой поднимался между ними как зыбкий туман, за которым было так удобно прятать лицо.

— Не помню.

— Совсем не помнишь?

— Только обрывки и странные сны, — Лиссе вдруг самой захотелось выговорить вслух то, что давило изнутри. — Залитая солнцем поляна, высокая трава, густой запах яблок и домашнего пирога и кто-то очень близкий рядом. Держит мою маленькую ладонь в своей тёплой руке, а я обещаю ему обязательно вернуться.

— Кому?

— Не знаю. Но каждый раз просыпаюсь с ощущением, что это самое важное, что у меня когда-то было.

Мира медленно отвела глаза к мутному стеклу окна:

— Знаешь... мне ведь тоже каждую ночь снятся сны о доме. Только у меня это кошмары. Маленькая лесная деревня у излучины реки и моя семья — мама, отец, младшая сестрёнка. Они были простыми охотниками, мы жили в чаще и никого не трогали.

— Что с ними случилось?

В противоположном конце зала пьяно заспорили какие-то возчики, но Лисса слышала только тихий, надтреснутый голос сидящей напротив девушки.

— Пришли люди с факелами и мечами, — пальцы Миры сжали глиняную кружку так сильно, что костяшки побелели. — Фанатики Ордена или вольные охотники за головами — я плохо помню. Кричали, что мы «нечистая кровь» и должны сгореть во славу Света. Деревню подожгли со всех концов. Мне было двенадцать. Мать успела столкнуть меня в сырой земляной подпол под печью, и я двое суток сидела там в крошечной темноте, слушая, как наверху рушатся горящие брёвна и как кричат мои родные.

— Прости, — тихо произнесла Лисса.

— Не надо, — Мира криво, болезненно улыбнулась. — Это было давно, я уже отплакала своё.

— Как ты выбралась оттуда?

— Эйтан, — разноцветные глаза полукровки вдруг потеплели. — Он проходил через пепелище на третий день. Он сам разобрал обгорелые завалы, нашёл люк, подал мне руку и вытащил на свет. Даже не поморщился, когда увидел мои уши и глаза. Просто укрыл своим плащом и сказал: «Ты не должна умирать в этой яме. Живи назло им всем». Я так и поступаю живу — всем назло.

Лисса внимательно смотрела на её худые, напряжённые плечи, и пазл внутри окончательно сложился.

«Мне ведь нужны их слабости, — привычно шепнул внутренний голос. — Вот она, её главная болевая точка, бери и пользуйся».

— Ты любишь его, — негромко сказала Лисса.

Кружка в руке Миры заметно дрогнула:

— Что?..

— Не как мужчину, — Лисса покачала головой. — Как старшего брата. Как того, кто вытащил тебя с того света.

Мира грустно улыбнулась и допила остывший эль:

— Наверное, да. Я обязана ему каждым своим вздохом. Для меня он настоящий Герой.

— Он просто человек из плоти и крови, Мира.

— Для тебя — может быть, а для меня он всё, что осталось в этом мире и я пойду на всё, на любую подлость, чтобы он вернулся из этого похода живым, — лучница решительно поднялась из-за стола, поправляя колчан. — Пойду разомнусь во дворе и проверю тетиву, пока дождь не ливанул. Не скучай.

Она вышла на крыльцо, а Лисса осталась одна над остывающей чашкой. Для Миры Эйтан был божеством и спасителем, а для неё самой — целью, которую она должна была отравить и сдать на убой, но которую её бунтующее сердце почему-то всё сильнее хотело защитить.

В самом Гавистоне стоял оглушительный дневной гам. По узким кривым улочкам, тонувшим в шуме, текли плотные толпы ремесленников, зазывал и оборванных нищих.

Эйтан уверенно вёл остальных к каменной ратуше градоначальника на центральной площади.

— Эйтан, — глухо окликнул его шагавший следом Гаррет. — Не нравится мне эта дыра. Слишком тесно и слишком много чужих рож вокруг.

— Ты ворчишь на каждом перекрёстке, Гаррет. Мы за городскими стенами, здесь не нужно ждать удара из-за каждого угла.

— Может, ты и прав, командир, но как по мне — чем больше город, тем крупнее в нём крысы.

Шедшая у борта телеги Ника вдруг резко остановилась. Её розовый нос нервно задёргался, а рыжие уши прижались к макушке:

— Ой... А тут пахнет совсем странно.

— Чем именно? — Эйтан посерьёзnel, опуская ладонь на древко копья.

— Липким страхом, холодным железом и... кровью. Старой, засохшей кровью. Очень много крови.

Гаррет тут же перехватил рукоять молота, а Селена на секунду оторвала взгляд от страниц, но уже в следующий миг уши Ники радостно встали торчком, а пушистый хвост весело вильнул из стороны в сторону:

— А ещё с той улицы пахнет горячими булочками с маком! И мясными пирогами! И свежей речной рыбкой, прямо из сети!

Мужчины синхронно выдохнули.

— Тьфу ты, опять она за своё брюхо, — беззлобно фыркнул Гаррет.

— А чего я? Я кушать хочу! — резонно заметила кошка, облизываясь.

Но Селена не улыбнулась. Магичка медленно захлопнула фолиант и скосила холодные голубые глаза к каменному фонтану на краю площади:

— Ника не ошиблась, Эйтан. В городе есть Инквизиция. Не оборачивайся сразу — вон тот человек в чёрной сутане у чаши фонтана. Он ведёт нас взглядом от самых торговых рядов.

Капитан как бы невзначай повернул голову. У фонтана неподвижно стоял высокий, болезненно худой мужчина с мертвенно-бледным лицом и круглыми, немигающими рыбьими глазами. Встретившись взглядом с Эйтаном, инквизитор даже не дёрнулся — лишь криво усмехнулся, развернулся и бесшумно растворился в пёстрой рыночной толпе.

— Вот теперь это точно перестает мне нравиться, — мрачно пробормотал Гаррет.

— Мне тоже, — нахмурился Эйтан. — Ускорим шаг. Получим припасы и уходим из города до темноты.

В высоком зале городской резиденции их приняли сразу. За массивным дубовым столом восседал сам градоначальник Гавистона милорд Эйнстонис — старый, рыхлый, чрезмерно упитанный вельможа с мягкими белыми ручками и масляными глазками, похожий на тесто, из которого можно лепить всё что угодно, а вот по правую руку от него, в резном кресле с высокой спинкой, неподвижно сидел человек в белоснежном облачении с золотым шитьём и крестом на груди. Архиепископ провинции. Сухой, жилистый старик с острым профилем и узкими, совершенно змеиными серыми глазами, которые смотрели на вошедших воинов как на подопытных мышей.

— А-а, доблестные герои! — градоначальник радостно замахал пухлой ручкой. — Наконец-то! Мы слышаны о вашем походе на север, всецело поддерживаем и денно и нощно возносим молитвы о вашей победе над этим ужасным Владыкой!

Эйтан протянул письмо которое достал из складок одежды и передал его Архиепископу.

— Это просили передать Вам из столицы.

Он принял письмо. Быстро пробежался по содержимому и с невозмутимым взглядом спрятал в складки своего одеяния, затем склонился к плечу градоначальника и сухо прошелестел:

— Милорд. Ближе к делу.

— Ах да, разумеется! — толстяк тут же сменил тон и суетливо заёрзал в кресле. — Видите ли, у Святого Ордена тут возникло одно... э-э... деликатное обстоятельство. Скажи им лучше сами, Ваше Высокопреосвященство.

Серые змеиные глаза старика медленно переползли на лицо Эйтана:

— Неделию назад из столичных чертогов исчез один юнец. Мой непутёвый младший, Люк. Мальчишка слаб умом и податлив дурному влиянию — мы полагаем, что он подался по тракту на север, в сторону Чёрной Скалы.

— Почему вы думаете, что он пошёл к замку? — прямо спросил капитан.

— Потому что перед побегом этот щенок выкрал из закрытого реликвария Белых Стен одну крайне древнюю и опасную вещь, — Архиепископ улыбнулся тонко, как лезвием бритвы. — Мы желаем вернуть нашу собственность в целости.

— Что именно за вещь он украл?

— Это не входит в круг ваших забот, капитан. Ваша задача проста: если заметите на северной дороге худого веснушчатого юнца с волосами цвета соломы — немедленно свяжите его и подайте сигнал нашим гончим, которые его ищут.

Эйтан сдержанно склонил голову:

— Мы будем иметь это в виду.

— Вот и славно, — Архиепископ потерял к ним всякий интерес и отвернулся к окну.

— Да-да, можете ступать с богом! — закивал градоначальник. — Ах, совсем запамятовал: загляните на первом этаже к казначею, он выпишет вам казённую бумагу на получение пятисот лестингов и сухих пайков для похода!

Когда тяжёлые дубовые двери зала со скрипом захлопнулись за их спинами, Гаррет глухо сплюнул на каменный пол галереи:

— И что это, к чертям собачьим, сейчас было?

— Политика Белых Стен, — холодно отозвалась Селена, глядя перед собой. — Вы заметили? Старик ни единым словом не обмолвился о том, жив ли его собственный сын и не ранен ли он в лесах. Им глубоко плевать на мальчишку, Эйтан. Они хотят просто его связать и получить свою вещь. Орден ищет только украденное сокровище, я бы на твоём месте держалась от их семейных тайн как можно дальше — эти святоши перешагнут через любого, чтобы вернуть свою игрушку.

Забрав у казначея мешочек с пятью сотнями серебряных лестингов и погрузив на телегу мешки с крупой, солониной, бочонок вина и другими продуктами отряд спешно покинул шумный Гавистон.

К дверям «Пьяного гоблина» они подъехали как раз в тот миг, когда огромное багровое солнце коснулось зубчатых стен города. Мира во дворе убирала стрелы в колчан, а Лисса уже ждала их у коновязи.

— Как прошла встреча с властями? — спокойно поинтересовалась она.

— Паршиво, — хмуро бросил Эйтан, трогая поводья. — Наместник — пустая кукла, а вот Архиепископ Ордена темнит. У верховного архиепископа из столицы сбежал сын, мальчишка по имени Люк — худой, веснушчатый, с соломенными волосами. Украл какой-то священный предмет из закрытого реликвария и подался на север. Старика не волнует ни наш поход на Владыку, ни жизнь собственного ребёнка — только бы вернуть пропажу.

Лисса молча кивнула, глядя на дорогу перед собой.

«Люк. Неужели тот мальчишка, что шёл за нами это сын самого Верховного Архиепископа... И у него еще был какой-то важный артефакт. Чёрт, надо было проверить его тогда. Может, что-то ценное у него и было».

— Я думаю, это не наше дело, и мы не пересечёмся с этим парнишкой. Север большой.

Отряд быстро уходил прочь от городских башен по размытому осеннему тракту.

Густая безлунная ночь застала их в десяти верстах к северу от Гавистона, на краю глубокого, заросшего буреломом лесного оврага. Здесь и решили разбить стоянку.

Когда костёр прогорел до тёмно-красных углей, Ника подошла к сидящей на бревне Лиссе, тяжело вздохнула и уложила свою пушистую голову ей на колени. Кошка уже проваливалась в дрему, но вдруг её уши в темноте тревожно дёрнулись, она шумно втянула носом холодный воздух и нахмурилась:

— Тот тихий мальчишка, что шёл за нами по пятам, это был Люк? Может, стоило сказать Эйтану. — Зверолюдка подняла сонные золотые глаза на Лиссу

Лисса насторожилась, внутри у неё всё внезапно похолодело.

— Зачем ему идти за нами. Думаю, это просто оборванец, которому было любопытно, и он решил идти за героем, а потом, наверное, испугался темноты, проголодался и вернулся в город, — ровно произнесла она, погладив кошку по голове. — Спи, Ника.

Зверолюдка широко зевнула, свернулась калачиком и тут же засопела, а Лисса, выждав ещё полчаса, пока дыхание всего лагеря станет глубоким и мерным, и Эйтан у костра отвернётся, бесшумно поднялась и скользнула в ночную чашу — туда, где на старой вырубке её ждала Лирара.

Суккуб стояла под раскидистым вязом, лениво взмахивая своими крыльями.

— Зелье работает, госпожа? — деловито спросила посланница.

— По три капли каждое утро, как приказано. Ты каждый раз меня об этом будешь спрашивать? — Лисса шагнула к ней вплотную, глядя прямо в глаза цвета тёмного вина. — Тот мальчишка, который шёл за отрядом. Люк, младший сын Архиепископа. Ты его видела сегодня ночью?

Лирара на долю секунды замешкалась. Её пальцы под тяжёлым крылом-плащом судорожно дрогнули, сжимая что-то спрятанное у груди, а в зрачках полыхнул хищный, торжествующий огонёк, но суккуб тут же безглаголиво повела плечом и натянуто улыбнулась:

— Люк? Так вот как звали это человеческое отродье. Нет, госпожа, не видела. Какое нам дело до мелкого детёныша? Наверняка отстал на тракте и повернул назад к папочке. У нас есть заботы куда важнее.

Лисса заметила, как слегка дрогнула левая рука Лирары.

«Что-то она сегодня особо нервная. Сейчас, это не важно, а вот потом я её допрошу.»

— Передай Владыке, что всё идёт по плану и не стоит мне рисковать каждую ночь покидая лагерь. Этот отряд не так прост и каждый раз отводить взгляд неспящего утомляет.

Лирара с тихим хлопком расправила крылья и взмыла в чёрное небо, направляясь на север, к замку.

Прошлой ночью. Небольшой овраг в двухстах метрах от деревни.

Лирара стояла в сырой папоротниковой полянке над маленьким, тощим телом. Веснушки на мертвенно-бледном лице, растрёпанные волосы цвета соломы, неестественно вывернутая шея и широко открытые, застывшие в ужасе глаза, продолжающие смотреть на север — туда, где была деревня. Он так и не дошел до неё.

Суккуб безглаголиво толкнула труп носком сапога:

— Ты был никем, мальчишка, но слишком упрямо тащился следом за ними, а я не люблю лишних сюрпризов.

Она легко, как пушинку, приподняла тело за воротник, чтобы сбросить в промытую ручьём расселину, — и в ту же секунду из прорехи на его старой куртке с глухим звуком выпал плотный свёрток.

Лирара замерла. На мокрой траве лежал полу развернувшийся кусок тяжёлой экранирующей ткани, из-под которой пробивалось ровное, ослепительное сияние, от которого хотелось улететь и зажаться в самый дальний угол. Камень внутри был голубым, как чистый горный лёд, и пульсировал первозданной святой мощью.

«Древний боевой артефакт Ордена... — глаза суккуба алчно расширились. — Если бы не эта защитная тряпка, гасившая ауру, я бы и на сотню шагов к нему не подлетела!»

Отбросив мёртвого Люка в темноту провала, Лирара опустилась на одно колено и жадно потянулась к полуоткрытой материи, чистая магия Света яростно обожгла её ладони, заставив тёмную кожу задымиться и зашипеть от боли, но суккуб даже не поморщилась. Быстро замотав камень в три слоя ткани, она надёжно спрятала свёрток за пазуху, под крыло.

Эту вещь она не отдаст никому. Ни Лиссе, ни самому Владыке. С таким оружием у подножия обсидианового престола можно добиться многого.

«Надо разобраться как использовать этот артефакт и защититься от его света»

Поднявшись в небо, она зависла, начертила руны, сморщилась и получив ускорение умчалась в сторону Чёрного замка. Спустя короткое время Лирара уже стояла на одном колене посреди гулкого тронного зала Чёрного замка, предварительно спрятав украденную святыню в тайнике своих покоев.

Владыка сидел на престоле прямо и жёстко, его чёрные когти сжимали каменные подлокотники:

— Убрала хвост?

— Да, господин.

— Кто это был?

— Обычный придорожный бродяжка, что шел из любопытства. Пустое место.

Повелитель замка криво усмехнулся:

— Никто? И при этом шёл за отрядом Героя от самой столицы? Ты уверена, Лирара? И на будущее, сначала допрос, а потом уже убийство.

Суккуб молча склонила голову ниже, пряча взгляд.

— Перепроверь аккуратно окрестности тракта, — ледяным тоном приказал Владыка, и его когти со скрежетом полоснули по обсидиану. — Я не терплю сюрпризов.

Лирара, бесшумно покинула зал, улыбка мгновенно сползла с красно-чёрного лица правителя. Он тяжело повернулся к догорающему камину, и в его бездонных серых глазах без зрачков на одно короткое мгновение вновь отразились далёкие, полные смертельной тоски голубые сполохи:

— Никто... — тихо, словно проверяя себя, повторил он в пустоту. — Значит, и жалеть не о ком.

В ночной роще у ворот Гавистона бледный рыбоглазый инквизитор остановился над колеёй от колёс телеги. Достав из-за пазухи поисковый рунный амулет, он сухо прошептал слова литании и бросил камень на примятую траву. В темноте на долю секунды вспыхнул багровый демонический след — и устремился тонкой нитью строго на север. Инквизитор удовлетворённо кивнул и шагнул во мглу. Гончая Ордена взяла след.

А в лагере над оврагом Лисса бесшумно вернулась к потухшему костру. Ника спала, свернувшись пушистым клубком, Эйтан дышал ровно и глубоко. Всё вокруг оставалось прежним, но внутри неё этой ночью что-то окончательно надломилось — тихо и сухо, как мёрзлая ветка под сапогом.

Она достала из кармана куртки маленький сушеный пучок мяты. Долго смотрела на него в темноте, а затем бережно переложила во внутренний карман у самого сердца.

Глава 6: "Метка"

— Стойте.

— Что там? — Эйтан мгновенно перехватил древко копья.

— Не знаю. Что-то не так.

Мира бесшумной тенью метнулась за ствол ближайшей сосны, а Гаррет с лязгом выдвинулся вперёд, вбив нижний край ростового щита в землю и буравя взглядом белую пелену. Обострённое чутьё Лиссы ловило в сыром воздухе вкус холодного железа, старого ладана и чужой, колючей святой магии.

— Впереди на дороге кто-то стоит, — тихо сказала она. — Он ждёт нас.

Селена прыгнула с телеги, незаметно зажав в левой ладони гранёный рунный камень.

— Пахнет совсем плохо, — глухо донеслось от Ники. — Как старая-престарая смерть.

Клубы тумана в двадцати шагах впереди плавно раздвинулись. На середину дороги вышел высокий, скелетообразно худой мужчина в глухой чёрной сутане Инквизитор. Тот самый, которого они видели у городского фонтана в Гавистоне. мертвенно-бледное лицо, круглые немигающие рыбы глаза и длинный посох в костлявых пальцах, по древку которого светились тусклые руны.

— Лисса! — его голос прозвучал над полем отвратительным старческим скрипучим голосом.

Она замерла. Ищейка знала её имя.

— Кто ты такой? — Эйтан шагнул вперёд, положив ладонь на эфес меча.

— Неужели не узнаёшь цвета Белых Стен, капитан? Я инквизитор Святого Ордена, — бледный мужчина даже не удостоил Героя взглядом, неотрывно буравя Лиссу своими выпуклыми глазами. — И я пришёл за этой девчонкой.

— Зачем она тебе и откуда ты знаешь её имя?

— Затем, что она — ручная тварь Владыки и мы давно её ищем, — отрезал инквизитор. — На её плоти горит хозяйская метка, я чую эту смрадную печать от самого трактира у Гавистона! От неё несёт демоном, суккубом и человеком одновременно — богомерзкая тварь, выведенная во тьме!

У Лиссы перехватило дыхание; невидимая нить, связывающая её с Чёрным замком, болезненно натянулась под кожей левого плеча.

— Ты лжёшь, — жёстко произнёс Эйтан.

— Нет, — инквизитор высоко поднял посох, и белые руны на навершии ослепительно вспыхнули. — Прозрей же сам, заблудшее дитя!

Он со всей силы ударил кончиком посоха в землю. Тяжёлая, волна алого обличительного света прокатилась сквозь строй отряда и ударила прямо в грудь Лиссы.

Селена у телеги жадно прищурилась, подавшись вперёд.

Наложенная Владыкой человеческая иллюзия на секунду пошла крупной рябью. Всего на одно короткое мгновение, сквозь рваное марево сбитого морока, все увидели правду: нечеловеческие, сияющие потусторонним изумрудом глаза, тёмную кожу с глубоким янтарно-медным отливом, острые клыки за губами и чёрные когти на пальцах.

Лисса рухнула на колени в придорожную грязь, захлебнувшись собственным криком — даже не от физической боли, выкручивающей суставы, а от ледяного ужаса. Они увидели её истинный облик. Провал.

Инквизитор торжествующе оскалился:

— Вот и доказательство! Теперь вы видели своими глазами: она не человек, а шпион и оружие Чёрного замка!

Воины отряда синхронно развернулись к стоящей на коленях проводнице — сталь клинков и наконечник стрелы Миры с ветки сосны устави́лись прямо на неё.

И в ту же секунду Эйтан сделал широкий шаг в сторону, закрывая Лиссу своей спиной:

— Не смейте! Опустить оружие!

— Эйтан, образумься! — прорычал Гаррет, не опуская молота. — Ты же сам всё видел!

— Я чувствую: она нам не враг.

— Ты не можешь этого знать наверняка!

— Знаю, — отрезал капитан. — Я не знаю, кто она по крови, но она не несёт угрозу.

— Откуда такая слепая уверенность, командир?! — крикнула сверху Мира; тетива её лука звенела от напряжения, целясь точно между лопаток Лиссы.

— Оттуда, что она могла перерезать нам глотки в первую же ночь у столицы! — голос Эйтана прогремел над полем. — У неё были десятки возможностей завести нас в тряси́ну, отравить или добить в стычке с разбойниками, убить пока мы спали, но она прикрывала наши спины! Почему?!

Повисла короткая, тяжёлая тишина.

— Потому что она сама этого не хочет. Вспомните. Тут у каждого есть, что скрывать, — твёрдо закончил Герой.

Инквизитор скрипуче, точно старое сухое дерево на ветру, рассмеялся:

— Какая трогательная банальщина! Герой из баллад защищает демоническое отродье! Но твоё благородство ничего не изменит, мальчишка. На ней клеймо Владыки. Именем Высшего Совета она подлежит уничтожению на месте или доставке в казематы Белых Стен!

— Ты не заберёшь её, — Эйтан выставил вперёд остриё копья и вытащил меч, который медленно начал светиться, набирая силу. Искра начинала медленно, очень медленно разгораться. — Гаррет, Селена, друзья... Прошу вас, поверьте мне хотя бы сегодня.

Гном долго смотрел в напряжённое лицо командира, затем смачно сплюнул в траву и с тяжёлым грохотом шагнул вперёд, выравнивая свой ростовой щит в одну линию с копьём Эйтана:

— Да провались оно всё в преисподнюю... Слышь ты, святоша! Ты здесь один, а нас шестеро. Проваливай подобру-поздорову, пока кости целы. Здесь тебе не рады.

Улыбка медленно сползла с бледного лица инквизитора; он по очереди смерил каждого из них ледяным, взглядом:

— Безумцы и еретики. Вы сами не понимаете, кого пригрели у груди. Эта тварь — живой ключ к логову Владыки и его главным слабостям! Совет требует её голову!

— Совет перебьётся, — холодно ответил Эйтан. — Мы сами идём к Владыке, и она идёт с нами. Мы сами решим её судьбу.

— Вы не судьи! Она принадлежит Ордену и Короне!

— Король давно стал вашей безвольной марионеткой. Здесь — дикое приграничье, а не столичная площадь, — отрезал капитан. — Здесь нет твоей власти. Уходи и доложи Совету, что след потерян или она мертва. Соври. Вы в Белых Стенах отлично умеете врать.

— Я не лгу.

— Значит, самое время научиться.

Инквизитор с ненавистью смотрел на ошети́нившийся сталью отряд. Силы были неравны — в открытой схватке посреди поля они сметут его за минуту, если откат от рун не сломит его раньше.

— Хорошо, — процедил он сквозь тонкие губы. — Я уйду., но лишь затем, чтобы вернуться с боевым крылом братьев и тогда вам не спасти ни эту меченую тварь, ни собственные грешные жизни.

Он резко вскинул посох и на прощание вогнал его в землю во второй раз — куда яростнее прежнего, рассчитывая окончательно сорвать с шпионки защитную личину, но в то же

мгновение стоявшая у телеги Селена с сухим хрустом в пальцах, активировала заготовленный рунный камень. Прозрачная голубая преграда встала перед Лиссой, приняв на себя львиную долю удара и рассыпавшись россыпью искр исчезла. На этот раз отката не последовало, плата была уплачена при создании камня.

Остаточная волна всё равно больно хлестнула по вискам — Лисса глухо вскрикнула, прижимая ладонь к пылающему плечу, но человеческая маскировка устояла. Эйтан тут же опустился рядом с ней на колено.

— Жаль, — процедил инквизитор. — Я уйду, но лишь затем, чтобы вернуться с боевым крылом братьев.

Он отвернулся, но резко развернулся и с его руки с тихим шипением сорвалась чёрная стрела с белыми всполохами святой магии.

Гаррет мгновенно выставил щит по траектории полёта. Стрела врезалась в кованую сталь. Оглушительный звон, сноп ослепительных искр, металл раскалился докрасна. Гном даже отступил на шаг.

— А святоша не прост, — хрипло сказал Гаррет.

Фигура инквизитора уже растворилась в густом тумане. Над полем снова повисла гробовая тишина, но никто в отряде и не думал убирать оружие. Все смотрели на Лиссу, а та невидящим взглядом смотрела на своё левое предплечье, где прямо сквозь прожжённую ткань рукава багровым раскалённым углём проступила пульсирующая метка Владыки.

— Лисса, ты цела? — тихо спросил Эйтан.

Она подняла голову, встречаясь с направленными на неё взглядами, и поняла: сейчас решается всё. Если они не поверят ей в эту минуту — миссия провалена. Не поднимаясь с колен из холодной дорожной грязи, она заговорила дрожащим, надломленным голосом:

— Пожалуйста... Выслушайте меня.

Гаррет шагнул ближе, перехватив тяжёлый молот:

— Говори, кто ты такая, но если соврёшь хоть в слове — клянусь великими горами, размозжу голову на месте, рука не дрогнет.

— Я не стану больше врать, — она посмотрела прямо в суровые глаза гнома, вплетая в свою ложь осколки собственной настоящей боли. — Владыка убил всю мою семью. Я не помню их лиц и имён — после той ночи в голове остался только туман, словно кто-то выжег мне память калёным железом, но я помню ужас и помню, что раньше я была человеком, а не этим чудовищем! У меня был дом... и был кто-то, кому я обещала вернуться, но не смогла.

По её бледным щекам потекли настоящие, горячие слёзы. Она опустила взгляд на свои испачканные в грязи ладони.

— Владыка не убил меня тогда — он изменил мою кровь и поставил эту метку, чтобы сделать своей послушной гончей, но я сбежала из замка через нижние пещеры. Долго скиталась по лесам, пыталась найти способ содрать с себя это проклятие, а потом услышала в предместьях о вашем походе... — её голос сорвался на шёпот. — Я побоялась сказать вам правду сразу — знала, что вы убьёте меня как порождение Тьмы, но я знаю тайную дорогу к его цитадели! Я не враг вам — я просто хочу вспомнить, кем была, и освободиться от его поводка, даже если для этого придётся умереть в том зале!

Она замолчала, опустив голову, и стала ждать приговора.

— Ты убивала людей по его приказу? — глухо спросил Гаррет.

— Нет! Я сбежала прежде, чем он успел отправить меня на охоту, — без запинки солгала она, хотя в кармане у груди жгла кожу сухая мята Хиллеры. — Я прошу у вас только одного шанса доказать это делом.

Мира медленно спустилась со ствола сосны; она опустила лук к земле, но стрелу с тетивы не убрала:

— Что ещё ты помнишь о его замке?

— Помню, что я там такая не одна, — тихо ответила Лисса. — Внизу, в пещерах под крепостью, живут сотни существ. Они не злые — они просто заложники его воли и хотят мирной жизни, но он держит их в страхе так же, как держал меня.

Селена спокойно подошла ближе, разглядывая пульсирующую метку на её плече:

— Ты сказала, что он стёр тебе память, но умолчала о главном: зачем правителю Тьмы оставлять в живых обычную девчонку и тратить на неё высшие руны?

Лисса выдержала долгую паузу:

— Я не знаю, Селена. Правда не знаю. Мне остался только один обрывок во сне: залитая солнцем поляна, запах спелых яблок и светловолосый парень с голубыми глазами, который берёт с меня слово вернуться домой... Я чувствую, что он связан с этой тайной, но дальше — пустота.

Магичка перевела задумчивый взгляд с её мокрого лица на напряжённого Эйтана, а затем сухо захлопнула фолиант:

— Она не лжёт в главном, хотя что-то и недоговаривает, — холодно резюмировала Селена. — И я голосую за то, чтобы оставить её в живых, но отнюдь не из жалости. Лисса — уникальный, редчайший образец: на её душе лежат пласты древних рун или узы памяти, о структуре которых я даже не подозревала. Мой интерес чисто научный — я хочу добраться до архивов Чёрного замка через неё. Убьёте её сейчас — уничтожите ключ к величайшей загадке магии, а я этого не позволю.

Гаррет тяжело вздохнул и наконец опустил молот к ноге:

— Я всё равно не верю ни единой твоей слезе, девка, но рубить безоружную на коленях — в этом нет гномьей чести. Пойдёшь с нами под моим личным присмотром и если хоть раз дёрнешься в сторону или подставишь спину отряда — клянусь, убью сам, без разговоров.

— Поняла. Спасибо, — выдохнула Лисса.

Она попыталась встать, но ноги после удара посоха предательски подкосились; Эйтан тут же подхватил её под локоть, помогая подняться, а Ника как ни в чём не бывало подошла вплотную, шумно обнюхала её прожжённый рукав, чихнула и спокойно уселась на борт телеги доедать вяленую рыбёшку, словно никакой драмы только что и не было.

— Спасибо, что дали шанс, — одними губами прошептала Лисса.

Ночью на привале измотанная Лисса забылась тяжёлым сном в палатке, а Эйтан ещё долго сидел у её изголовья, прежде чем плотно прикрыть полог и выйти к костру, где его ждали остальные. Говорили вполголоса, чтобы не разбудить проводницу.

— Не верю я этой сказке про побег, — хмуро начал Гаррет, глядя в костёр. — Ни единому слову.

— Все мы сомневаемся, — отозвалась Мира, сжимая колени. — Но капитан прав в одном: хотела бы зарезать во сне — давно бы зарезала.

— Это ничего не доказывает! — отрезал гном. — Может, у неё приказ от хозяина: втереться в доверие, довести нас до самых гор, а там ударить в спину!

— А может, и нет, — подала голос Ника, задумчиво глядя на пламя. — Может, она и правда сбежала и просто очень боится. Ты тоже изгой своего народа, но я счастлива, что ты в нашем отряде.

Гаррет нахмурился, повернулся к лучнице:

— А ты, Мира? Веришь ей?

— Нет, — полукровка покачала головой. — Я вообще никому не верю, кроме Эйтана, потому что ему я обязана жизнью. Я одного не пойму, командир: почему ты так отчаянно её защищаешь?

— Потому что он мягкосердечный идиот, — буркнул Гаррет.

— Отнюдь, — Селена неспешно перевернула страницу книги в отблесках костра. — Просто наш капитан видит то, чего не замечаете вы или очень хочет это видеть.

— И что же там такого сокровенного он видит, книжница?

— То, что её страх перед Владыкой куда сильнее страха перед нами, — спокойно ответила магичка. — Она недоговаривает и боится того, что он с ней сотворил, и того, что она успела натворить сама. Как же ты обожаешь у нас спасать заблудшие души, верно, Эйтан? Тут такой редкий случай подвернулся. Не смог устоять?

Эйтан промолчал, сжимая кулаки. Гаррет подозрительно прищурился на магичку:

— Ты явно знаешь больше, чем говоришь, Селена. Выкладывай.

— Пока я лишь строю догадки, — отрезала та. — Если озвучу их раньше времени — вы сгоряча снесёте ей голову, а я не люблю ошибаться в расчётах.

— Сумасшедшая ты, как и всё ваше колдовское племя, — сплюнул гном.

— Возможно, — Селена едва заметно улыбнулась. — Зато я единственная здесь честна до конца: ты грозишься убить, но прикрываешь её щитом от святоши; Эйтан защищает, но сам не знает всей правды; а я просто наблюдаю. Каждый играет свою партию.

— Она не злая, — тихо повторила Ника, проглотив последний кусочек рыбы. — Я носом чую: она совсем потерянная, прямо как я. Я тоже не помню, что потеряла в лесу, а она помнит, что потеряла что-то важное, но никак не может найти что именно.

— Ладно, закрыли разговор, — подвёл черту Гаррет. — Оставляем девку в строю, но глаз я с неё не спущу. Сорвётся — прикончу сам, а этим падальщикам из Ордена я даже её выдавать не хочу, пусть катятся к своим богам.

Эйтан благодарно кивнул гному, глядя в огонь:

— Я вижу, как она меняется с каждым днём пути, Гаррет. Я не знаю, кем она была в прошлом, но хочу увидеть, кем она выберет стать в конце, а если она всё-таки окажется врагом — мой клинок опустится первым. Слово капитана.

— Смотри, командир, эта кровь будет на твоей совести, — буркнул Гаррет, поднимаясь. — Расходимся по палаткам, скоро смена караула.

Проснувшись и убедившись, что лагерь спит, а дежуривший у костра Эйтан сидит к её палатке спиной, Лисса осторожно достала из-за пазухи плоский осколок чёрного обсидиана, полученный от Владыки перед вылетом.

Она шла на огромный риск — чуткая Селена в соседней палатке могла уловить магию, но выбора не оставалось: после удара инквизитора метка взбесилась и маскировка могла очень скоро слететь.

Камень в ладони был ледяным и она понимала, что плата будет сильной. Связь на удалении считалась очень сложной и сильной рунной магией. Обсидиан в кулаке налился густым багровым светом, и из тонкой струйки дыма над его гранью соткалось встревоженное лицо Лирары:

— Госпожа Лисса? — торопливо зашептала она через дым.

— Слушай внимательно, у меня мало времени, — одними губами выдохнула Лисса. — Днём на тракте меня перехватил инквизитор Ордена и моя маскировка частично спала. Метка стала видна, но отряд Героя отбил меня и прогнал святошу. Кажется, они поверили моей легенде о проклятье и побеге.

— Может, нам ударить по ним прямо сейчас?! — глаза суккуба в дыму лихорадочно блеснули. — Владыка вне себя от ярости! Он почувствовал вспышку вашего клейма — я уже подняла в воздух летучий отряд перехвата, когда сработал ваш камень! Хозяин заперся в верхней библиотеке у главного Артефакта и повторял только одно: «Она не должна попасть в руки Ордена, я не позволю!». Я никогда не видела его в таком бешенстве!

Лисса нахмурилась, преодолевая нарастающий гул в висках:

— Разворачивай отряд обратно в замок, Лирара. Вы лишь спугнёте Героя раньше времени. Он нужен Владыке живым. Я остаюсь внутри группы и веду их дальше, но маскировка

сильно повреждена — завтра ночью жди меня в условленном месте, мне придётся слетать к Владыке для обновления облика.

— Я вас почти не слышу, госпожа! — голос суккуба задрожал, распадаясь на слога. — Камень выгорает!

Багровый дым схлопнулся, и обсидиан в её пальцах беззвучно рассыпался в мелкую чёрную угольную пыль.

В ту же секунду голову Лиссы прошил такой чудовищный спазм ментальной отдачи, словно череп изнутри раскололся — плата за рунную магию в человеческом обличье. Зажав рот ладонью, чтобы не закричать на весь лагерь, она уткнулась лицом в походный плащ. В ноздрях на миг призрачно и горько пахнуло дикой мятой от загубленной ею целительницы и сознание провалилось в тяжёлое забытие, где снова шумели солнечные яблони и чей-то родной голос брал с неё обещание вернуться.

Утром она поднялась с трудом — каждый шаг отдавался свинцовой болью в затылке и мышцах, а притихшая под кожей метка тупо жгла руку.

Выйдя из палатки к костру, Лисса сразу наткнулась на тяжёлый, немигающий взгляд дежурившего Гаррета. Гном подошёл вплотную, когда она наклонилась к котелку с водой:

— Я слежу за каждым твоим вдохом, девка.

Она замерла с черпаком в руке:

— О чём ты?

— Ты вчера врала нам в глаза про своё проклятие и побег. Я нутром чую ложь. Запомни: предашь капитана — убью без колебаний.

— Я поняла тебя, Гаррет. Таких намерений у меня нет.

Гном хмуро кивнул и отошёл к телеге. Лисса, дождавшись, пока остальные отвернутся к поклаже, привычным механическим движением отмерила три капли прозрачного яда в кружку Эйтана. За завтраком Гаррет демонстративно отказался от заваренного ею чая, ограничившись водой из собственной фляги.

«Кто ты для меня, Эйтан, и почему ты стал мне так дорог? — с горечью подумала она, глядя, как капитан с благодарной улыбкой принимает отравленное питьё. — И почему Владыка так боится, что я попаду в руки Ордена?»

Глава 7: "Замок"

Акт 2

Два дня пути после столкновения с инквизитором прошли в тягучей, как болотная тина, тишине.

Отряду везло: ни новых засад, ни диких тварей. Только следы. Однажды утром Гаррет нашёл на размокшей глине отпечатки тяжёлых когтистых лап, а Ника, шумно приняхавшись, сказала, что на рассвете стороной прошла большая группа гоблинов, но пути их не пересеклись — лес или кто-то оберегал их от опасных встреч.

К исходу второго дня левое плечо Лиссы горело уже нестерпимо. После удара святого посоха и расплаты магии рун за применения обсидианового камня клеймо Владыки пульсировало. Это значило, что маскировка долго не продержится. Дождавшись, пока измотанный лагерь уснёт, а дежуривший у огня Гаррет отвернётся к стреноженным лошадям, она бесшумно выскользнула в темноту.

Отбежав на добрую милю от стоянки, подальше от чуткой Селены, Лисса наконец позволила себе выдохнуть. Человеческая маскировка тут же пошла крупной рябью и сползла лохмотьями серого тумана, возвращая ей настоящий облик.

Кожа стремительно потемнела, наливаясь глубоким, тёплым янтарно-медным отливом, словно старое золото в полумраке. Русые кудри вытянулись до самой поясицы густыми, тяжёлыми как смоль прядями, которые пересекали идеально ровные белоснежные полосы. Обычная травянистая зелень глаз вспыхнула потусторонним, гипнотическим изумрудным сиянием, за губами обозначились маленькие острые клыки, а кончики пальцев увенчали короткие чёрные когти.

В то же мгновение за спиной с тихим шелестом прямо из лопаток развернулись крылья. Они были заметно меньше грубых перепончатых крыльев Лирары. Вниз каскадом ниспадали гладкие, почти невесомые пластины живого полупрозрачного сумрака — упругие, как тёмный шёлк, и хищно заострённые к концам, словно лезвия стилетов. По самому краю этой тёмной вуали бежала, сияющая кайма цвета расплавленного золота, отчего в темноте они казались выкованными из ночной мглы и застывшего света.

— Как же прекрасно оказаться в своём истинном облике, — она повела крыльями и потянулась.

Лирара ждала её на условленном каменном утёсе, лениво поводя своими тяжёлыми кожистыми крыльями-плащом.

— Госпожа? — удивилась суккуб, видя её в истинном обличье. — Я думала, вы полетите со мной...

— Некогда, — коротко оборвала её Лисса.

Она вскинула руку, резким движением вычерчивая в прохладном воздухе сложную вязь высшей руны ускорения. Пальцы тут же свело привычной тягучей судорогой. Обычный человек-рунник вроде Селены от такого знака уже согнулся бы от болевого шока, но демоническая природа брала своё — родство с рунами издревле делало плату почти незаметной, превращая боль в мимолётное неудобство. Лисса лишь слегка поморщилась.

Взмахнув крыльями, она оттолкнулась от утёса и рванула в ночное небо, оставляя за собой тонкий золотистый росчерк в темноте. Ледяной ветер засвистел в ушах; бросившаяся следом Лирара едва поспевала за ней, изумлённо скидывая брови от такой скорости.

«Только бы успеть, — билась в голове единственная мысль. — Обновить маску у Владыки — и сразу назад. Обратно лететь сама я уже не смогу, чтобы не сорвать свежую иллюзию, но Лира донесёт меня к палаткам до первых лучей».

Чёрный замок встретил её привычным уютным гулом.

Идя через нижние ярусы подземного Ночного Города к внутренним подъёмникам, Лисса смотрела по сторонам с холодным, отстранённым любопытством. Удивительно, но здесь всё было устроено почти как у людей: теплились рунные фонари, пахло печёным хлебом и дымом очагов, а за стенами слышались громкие голоса матерей, зовущих своих детей. Обитатели города не шарахались от правой руки Владыки — завидев мягкое золотистое свечение её сложенных за спиной крыльев, гоблины и низшие демоны замирали и смотрели на неё с какой-то тихой, отчаянной надеждой.

Проходя мимо крайних кузнечных рядов у самого входа в замок, Лисса машинально скользнула цепким взглядом разведчика по остывающему горну, у которого спал огромный орк Гаррун, и заметила в угольной пыли у наковальни свежооткованный обычный крестьянского плуга. Странная деталь отложилась в памяти как сухой факт.

Чуть дальше на каменном пороге сидел старый, тощий гoblin Тир в кривых очках и бережно сжимал в лапах потрёпанную человеческую книгу. Увидев Лиссу, старик вскочил, прижимая фолиант к груди, и его морщинистое лицо озарилось неподдельной радостью:

— Госпожа Лисса! — выдохнул он. — Вы вернулись! Вы снова здесь!

Лисса медленно остановилась, странно и непонимающе глядя на переплёт в его когтистых пальцах:

— Что это у тебя?

— Книга, госпожа! — Тир гордо выпрямился, хотя по его впалым щекам потекли слёзы. — Та самая сказка о том, как старый король выбрал торговлю вместо войны! Вы же сами принесли её с юга, сами учили нас и наших детей складывать буквы вместе с Моргой! Говорили, что мы не дикие звери, а живой и гордый народ!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.